

С КРАСНОЙ СТРОКИ

А. СТЕПАНОВ

СЕМЬЯ ЗВОНАРЁВЫХ

2
ТОМ

Александр Николаевич Степанов

Семья Звонаревых. Том 2

Серия «С Красной строки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63110217

Семья Звонаревых. Том 2:

ISBN 978-5-6044143-4-7

Аннотация

Книга является продолжением известного исторического романа «Порт-Артур» и рассказывает о судьбе героев после окончания Русско-японской войны и до 1916 г. В центре повествования супруги Звонарёвы, Борейко, Блохин, Вася Зуев и другие герои.

Для широкого круга читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Любовь к баталиям лишь средство	5
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	71
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Александр
Николаевич Степанов
Семья Звонаревых
Том 2**

© А. Н. Степанов, наследники, 2020

© Издательство «РудА», 2020

© В. М. Пингачёв, иллюстрации, 2020

Любовь к баталиям лишь средство

Первая публикация дебютной книги Александра Николаевича Степанова «Порт-Артур» состоялась в 1938 году.

Получая многочисленные письма читателей, в том числе и воспоминания с рассказами о деталях того или иного сражения, он неоднократно дополняет, переоформляет сюжет, предлагая новую редакцию произведения, чем объясняется сложная дата написания: «1939–1941–1944–1958».

Наиболее значительной доработке роман подвергся к 1955 году, когда в него были включены целые главы, ранее публиковавшиеся отдельно.

Некоторые биографы писателя в предисловиях изданий советского времени допускают неточность, заявляя, что только «спустя 20 лет после первой публикации «Порт-Артура» Александр Степанов решил написать продолжение своего знаменитого романа. Книга получила название «Семья Звонарёвых». Её первые главы появились в 1959 году...» Сам же писатель в статье «О книге «Порт-Артур» сообщает ещё в 1945 году: «Есть у меня и продолжение, которое я собираюсь озаглавить «Семья Звонарёвых». Повествование охватывает период времени между 1907 и 1934 гг.»¹ И всё же они правы в той части, что, несмотря на давний замы-

¹ «Новый мир», 1945. – № 8, с. 117.

сел и предварительную работу, Степанов всерьёз приступает к продолжению только после окончательной и решительной точки в многолетней истории с книгой «Порт-Артур».

Можно предположить – с нетерпением. Поколение мейн-стрима, когда скорость наработки книжной серии напрямую ведёт к заработкам и солидному портфолио автора, вполне себе не сможет понять, что мешало писателю в течение 15 лет основательно взяться за продолжение после успеха первого романа? И для чего так тщательно дописывался, видоизменялся роман, уже получивший и государственную награду и читательское признание? Для чего нужно было отвлекаться на написание других повестей: «Стальной рабочий отряд», «Записки гвардейца», «Артиллеристы»?

А Степанов просто по-другому не мог. Как и его основные персонажи, Звонарёв и Борейко, прежде всего он – плоть от плоти – был человеком военным, основательным. Где-то даже хозяйственным, как генерал Кондратенко, тщательно исследующий обустройство оборонительных укреплений и лазарета. Отчасти сам где-то восхищается и продуманной подлостью Фока, и чёткостью авантюр Сахарова, выдержкой и шпионским мастерством Тифонтая – героями отрицательными. Восхищаться квалифицированной работой своих врагов, извлекая из неё уроки – в этом тоже признаки воинской чести. Так адмирал Того аплодировал мужеству российского флота, так обычные солдаты и матросы отстаивают крепость вопреки неразумным приказам офицеров. На этом фоне сра-

зу, как прожектором, освещается отсутствие этой самой чести, подмену её на маниловщину Смирнова, на ноздрёвщину Никитина и на коробочковатость Стесселей.

Оттого суду над виновниками сдачи неприятелю крепости А. Степанов уделят достаточно места в своей новой книге, как нигде больше привлекая действительные документы и стенографические отчёты. Поскольку здесь не просто вместе со своими персонажами, мужественно защищавшими Порт-Артур, жаждет справедливой расплаты за военные преступления, но и задаёт более глобальный вопрос самодержавной власти – на чьей она стороне? Что в итоге окажется ей важнее: выпестованная веками честь русского воина либо сиюминутные политические игры, кумовство и потворство чиновничеству?

Здесь-то, вероятно, и скрывается разгадка задержки в работе. Писатель не мог себе позволить давно привычной большевистской огульности царизма как такового, ему необходимо было документально подтвердить то разочарование судом, которое постигло русское общество, ощутившее нескрываемое неуважение к человеческому достоинству на примере передовых защитников Порт-Артура. Но по состоянию здоровья писатель был вынужден проживать в Краснодаре. Волевой, активный человек, он тяжело переживал вынужденный отрыв от жизни, когда в 1932 году заболел бруцеллезом и надолго оказался прикованным к постели. И архивные документы о дореволюционном времени ему было

получать гораздо сложнее, нежели проживающему в столицах или их вблизи. Тем более в период 30-х годов, не говоря уже о времени жесточайшего противостояния с фашизмом. И после – явно потребовались кучи справок, обращений, запросов. Длительные переписки и ожидания ответов, спускавшихся по бюрократической лестнице, не могли не притормаживать работу над романом. Ещё есть вероятность, что подобные обращения в архивы стали возможными только с приходом хрущёвской оттепели...

Намного позже из литературной среды в отдельное направление выльется военная проза, в рамках профессиональных литературных сообществ создадутся секции военных писателей. Для этого понадобится не только Великая Отечественная, но и боевые действия на территории Афганистана и Чечни. Но Александр Степанов по своей сути был – военным писателем. Это отчётливо просматривается не только в его наполненной сражениями биографии, но и непосредственно в текстах произведений. Ему гораздо проще чуть ли не пок кадро во показать читателю устройство артиллерийского орудия; где конкретно, с какой полки берут бинты в полевом лазарете; с какой стороны от солдата стоит винтовка, пока он латает свою одежду в перерыве между боями, чем нарисовать нам внутренне убранство дома Стеселей или кабинета директора завода. Даже об интерьере в доме Звонарёвых, где происходит достаточное количество действий, мы знаем меньше, чем про халупу в Гадячах, куда

после забастовок на заводе сбежал с семьёй Блохин. Крайне схематичному изображению внутри университета, где для Вари разворачиваются полные драматизма события, как бы противопоставляется детализация жилищ бедняков на Выборгской стороне. Вплоть до того, где там вешают одежду. Мы фактически не представляем себе помещение в больнице, где в красноярской ссылке работает Варя, но как на картине можем себе представить жилище далеко за городом, где она тайком лечит раненого. И через главного персонажа, Звонарёва, передаёт нам автор своё раздражение по поводу показушности парадов, не имеющих, как нам транслируется, ничего общего с настоящими военными подвигами.

Можно, конечно, утверждать, что писатель мало бывал «в богатых домах», ведь его быт был достаточно скромным, но более честным будет признать, что его взгляду более важны такие понятия, как диспозиция и обустройство сооружений, чем объекты статичного характера. Стоит только восхищаться, в каких дотошных деталях нам переданы все заведённые порядки и традиции охраны керчинских укреплений в последней главе первой книги этого романа. А когда, минуя так же с любовью описанную оборону Красной Пресни, чуть ли не детективные приключения подпольной работы, писатель приводит нас к повествованию о первой мировой войне, он словно бы возвращается в родную стихию, радостно расправив плечи. Будто вырвавшееся в море из коварных речных изгибов быстроходное судно, от восторга перед раскинувши-

мися просторами – распахивает перед читателем широченную панораму событий.

Как в былые стародавние порт-артурские времена наши герои вновь окунаются в минуты, за которые решается судьба Отечества; они вновь на острие между жизнью и смертью, где трус и подлец виден сразу, чётко, как и герой. Даже у почти хладнокровного, обстоятельного Звонарёва вскипают страсти, иначе не объяснить его вновь нахлынувшие чувства к Наде Акинфиевой. Сергей Звонарёв был призван в армию с военного завода в первые же дни войны как неблагоннадёжный и, разумеется, оказался в артиллерийской бригаде, где уже служили Борейко и спасающиеся от всевидящего ока жандармов Блохин и Вася Зуев.

Здесь предъявляемый ранее образ Звонарёва становится в значительной степени автобиографичным. Его путь во время первой мировой войны совпадает с тем, который пришлось с боями пройти в те годы самому писателю. Как рассказывает во вступительной статье к изданию 1990 года Л. Полосина², Степанов начал войну вольноопределяющимся в 1-й гвардейской артиллерийской бригаде, в 1917 году уже был поручиком, старшим офицером, а затем командиром батареи. Всё, о чём он пишет в романе, было им пережито на самом деле. Он, как и его герои, принимал участие в походе в Восточную Пруссию, сражался в Галиции, под Ивангородом, Варшавой, Вильно, участвовал в Брусиловском про-

² М.: «Художественная литература», 1990.

рыве. Что несомненно идёт на пользу произведению, делая его до предела достоверным. По признанию самого писателя, очень помогало ему в работе то, что он всегда вёл дневники. 3 декабря 1944 года он писал: «Память – вещь ненадёжная, а дневниковые записи очень помогают вспомнить пережитое. Я и сейчас помню обстановку, при которой делал некоторые записи почти тридцать лет назад». Каков характер этих записей, можно судить по советам А. Степанова его другу, кубанскому писателю П. Иншакову: «В дневниках... пишите обо всём, что вас окружает... Давайте характеристики всем – и генералам, и телефонисткам, и связным. Не бойтесь натуралистических описаний. Они тоже бывают очень полезны. Главное же – отобразите быт войны. Покажите взаимоотношения с командирами, солдатами и между собой»³.

Именно знание быта царской армии помогает писателю создать выразительные образы солдат и офицеров, а призвание писателя-баталиста – достоверно показать ход военных действий, полных трагических конфликтов и драматических эпизодов. Как например, описание разгрома армии Самсонова и паники в Комусинском лесу, боев в Галиции, под Ивангородом, неудачной защиты крепости Новогеоргиевск, десанта на Рожище, расправы с офицерами на переправе и многие другие. Сотни имён, названий, множество событий на фронте и в тылу – всё это широко охватывает картину действительности.

³ Иншаков П. Александр Степанов. – Краснодар, 1974. – С. 24

Не изменяя себе, писатель продолжает тщательнейшим образом привлекать к работе различные документальные материалы, журналы и газеты того времени. В работе над второй книгой помимо воспоминаний участников первой мировой войны и известных ранее данных писатель использует немецкие архивы, которые стали доступны после победы над гитлеровской Германией. Они много дали автору, в частности, при описании событий Брестского мира, убедительную картину которых Степанов раскрыл в третьей, неоконченной части романа. Без сомнения, ведя своих героев через российскую историю, разрабатывая новые сюжетные линии, он, как и в случае с «Порт-Артуром» оставляет в них заделы для развития в последующем. Однако ни болезни, ни годы подготовки к новой работе – бесследно не прошли. Писатель скончался 30 октября 1965 года на 74-м году жизни, не доведя до логического финала судьбы своих героев, не проведя их по тем дорогам, которые для них уже наметил.

Поэтому, хотим мы того или нет, но предстоит признавать вторую книгу «Семьи Звонарёвых» как итоговую часть общей эпопеи, начинающую отсчёт с 1904 года, и рассматривать эволюцию персонажей от начала порт-артурских баталлий до февральских событий в России. Это сравнение всё же может оказаться удачным, если провести параллели именно в части организации и проведения небывалых ранее военных действий, выпавших царскому правительству под занавес его существования.

Как и в «Порт-Артуре» автор оценивает общее положение в армии во время кризисных ситуация первой мировой, как неподготовленность царского правительства к войне. Писатель считает, что военные действия по требованию союзников не стоило начинать без проведения всеобщей мобилизации. Техническая отсталость, необеспеченность боеприпасами, продовольствием, фуражом привели к тому, что в первых же боях русская армия понесла огромные потери. Крепко запомнивший прошлые уроки Блохин недоумевает: «Чудно что-то получается. Столько лет прошло с японской войны, люди вроде поумнели, а начальство ещё больше поглупело». Действительно: увернувшиеся от судебного наказания Никитины, Стессели, Фоки, как гидры, отрастили новые головы. Генералы и полковники, не понимающие требования современной войны, не заинтересованы беречь русского солдата. Выразителен образ генерала Ранненкамппа, который считает себя великим полководцем и гордится, что в его жилах течёт кровь немецких баронов, поэтому русских он презирает и не знает для них других слов, кроме ругани – во всём этом проявляется барская спесь. Главное для него – карьера, поэтому равнодушие к общему делу, отказ взаимодействовать с генералом Самсоновым приводит к прямому предательству – трагическому исходу событий в Комусинском лесу.

Как и порт-артурский великий князь Кирилл Владимирович, очередной великий князь, назначенный главнокоманду-

ющим, не способен выполнять свою роль. Общая картина командования безотраднa. Бюрократизм и зазнайство, трусость и непонимание обстановки свойственны большинству генералов. Привыкшие к рутинным методам ведения войны и парадом, они не способны противостоять хорошо вооруженным немцам. Спешит сдаться в плен генерал Ключев, надеется защитить крепость Новогеоргиевск одними молитвами её комендант генерал Бобырь. Даже командующий 2-й армией генерал Самсонов не верит авиационной разведке и не может понять, зачем приказы надо передавать шифром.

Усиливая параллель, на примере батареи Бореико А. Степанов показывает, что успехи, которые, несмотря ни на что, одерживает русская армия, определяются мужеством и отвагой русского солдата и лучшей части офицерства – подлинных патриотов. И вновь Варя, но теперь уже Звонарёва и опытный хирург, решительно разворачивает свой перевязочный пункт поближе к передовой, к тем, кто может нуждаться в помощи. И Бореико здесь уже не тот бесшабашный, склонный к авантюристике удалец, каким он был в Порт-Артуре и даже ещё в Керченской крепости. Он показывает себя думающим командиром, постоянно совершенствует орудия, несмотря на строжайшее запрещение переделывать иностранные пушки. Бывшим портартурцам свойственно чувство долга – и не только воинского, но долга перед Отечеством, которому дали присягу.

Батарею тяжелых артиллерийских орудий, которой ко-

мандует Борейко, постоянно направляют в самые ответственные места, на передний край. Это основная сюжетная линия второй книги романа, которая дает возможность автору показать разные участки фронта. Все важнейшие события войны происходят там, где находится батарея Борейко, вплоть до газовой атаки немцев, которую не сумело предусмотреть и принять меры против неё командование, и от которой Борейко увёл своих солдат.

Солдаты, особенно в начале войны, проявляют отвагу и неустрашимость в бою. Когда в Восточной Пруссии капитан Хоменко с обнажённой шашкой над головой поднимает свою роту в атаку на вражескую кавалерию, солдаты все как один следуют за ним. Но постепенно те, кого призывали воевать «за веру, царя и отечество», начинают понимать, что эта бойня им не нужна. Уже под Новогеоргиевском в аналогичной ситуации они ведут себя иначе. Когда в атаку на немцев, подавая личный пример, пошёл полковник Потапов, солдаты не двинулись с места, а затем, перегоняя его, бросились сдаваться в плен. Так они для себя нашли выход из войны.

Где-то в аналогичной ситуации и дед автора этих строк, полковой фельдшер Георгий Стрельцов, добровольно сдался в плен. Не имея под рукой ни перевязочных средств, ни хирургических инструментов, он предположил, что немцы этим его снабдят, чтобы он смог продолжить лечить пленённых соотечественников. Но ошибся, к уходу за пострадавшими в боях допущен не был, в дальнейшем – отправлен на

окраину Германии служить пастухом у отца пленившего его офицера. И только после Брестского мира был насильственно переправлен обратно в уже совсем другую, неизвестную ему страну...

Уже излишне утверждать, что при всей своей любви к описанию батальных сцен, при следовании за хроникой событий, при разностороннем анализе психологии солдат и офицеров А. Степанов, прежде всего, выполняет литературно-художественные задачи. Поэтому не может оставить без внимания персонажей из первой книги, продолжая заявленные сюжетные линии из эпохи агитационной работы подпольщиков, к которым теперь принадлежит почти вся нам знакомая порт-артурская команда. Тем более что это линия начата писателем именно в «Порт-Артуре», где тогда уже у солдат начинают формироваться мысли: «Без бунта, братцы, дело не обойдётся. Как до дому доберёмся – помещицкую землю промеж себя поделим, а попервах всех генералов да офицеров перебьём». Эти рассуждения Блохина выводят его на первые роли на начальном этапе «Семьи Звонарёвых», но и в продолжение произведения Блохин в гуще событий: в бою всегда впереди, первым вызывается идти в разведку; личным примером увлекает дрогнувших в атаку, проявляя талант организатора, способного сплотить вокруг себя солдат.

Можно сказать, что первая мировая война в произведении помогает раскрыться талантам целой плеяды персона-

жей А. Степанова. Из озорного солдата Блохин выкристаллизовывается в профессионального революционера; неуверенно делающая первые шаги на медицинском поприще и в подпольной работе – от начала книги Варя Звонарёва становится ярким профессионалом в обеих областях; о командирских талантах Борейко уже было сказано. Развитие персонажей – ещё одна та художественная задача, с которой легко, на первый взгляд, справляется А. Степанов. На примере своих героев, прошедших от Порт-Артура до февральской революции, на достоверном историческом материале он с большим мастерством создал художественно убедительные патристические произведения, которые позволяют современному читателю представить себе страницы далекого прошлого.

Михаил Стрельцов, член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра

Часть первая

Глава 1

На старых часах, что на углу Ново-Спасского переуллка, без четверти одиннадцать. Минутная стрелка, будто указательный палец, показывает на потемневшую от времени вывеску: «Починка и перелицовка. Платье, пальто, корсеты. Мадам Девяткина».

Вывеска покосилась, держится на одном гвозде и от ветра бьёт жёстью по тёсовой обшивке стен небольшого одноэтажного дома.

Тихо. Прозрачный голубоватый свет белой петербургской ночи мягко освещает узкий переулок, маленькие деревянные домики, покосившиеся заборы, заросшую крапивой и бурьяном улицу, круглую тумбу с обрывками пожелтевшей от времени афиши...

По переулку идёт человек в чёрной косоворотке, в накинута на плечи поношенном пиджаке, держит в руках небольшой фанерный чемоданчик, в каких обычно мастеровые носят свой инструмент. Козырёк низко надвинутого на лоб картуза скрывает чуть прищуренные настороженно-внимательные глаза. У дома Девяткиной человек замедляет шаг, поправляет на плечах пиджак, будто невзначай оглядывает-

ся — и толкает легко отворившуюся калитку палисадника.

* * *

Небольшая комната с синими в белую полоску обоями освещена настольной керосиновой лампой на высокой бронзовой подставке. Окна, закрытые наружными ставнями, изнутри плотно завешены. На столе — остывающий самовар, стаканы с недопитым чаем, баранки, наколотый мелкими кусочками сахар. У самовара — молодая женщина в тёмном платье с белым кружевным воротничком. Густые волосы собраны в высокую причёску, нежные пушистые брови срослись на переносице над внимательными, чуть прищуренными серыми глазами. Рядом с ней мужчина средних лет с побитым оспой лицом, с рыжеватыми прокуренными усами. Его маленькие пронизательные глаза почти скрыты нависшими выгоревшими бровями. В дверях, прислонясь к притолоке, стоит молодая белокурая девушка в гимназической форме, дочь хозяйки Алёнка. На старой кушетке устроился парень в поношенной синей косоворотке. На коленях у него кошка, серая, пушистая, блаженно жмурится, нежно поглядывая на ласкающую её большую, в мозолях руку.

Всего в комнате семь человек. Все слушают тихую, но взволнованную речь молодого мужчины с горячими голубыми глазами, в белой, свежевыглаженной рубашке.

— ...Я, конечно, согласен с тем, что нам сказала сейчас то-

варищ Клава. Время нынче тяжёлое, почище девятьсот пятидесяти года. Фараоны совсем осатанели: хватают, кто под руку подвернётся. Тюремны забиты, но и этого им мало. Они, верно, решили заселить весь Туруханский край – куда сосланы товарищи из нашего Петербургского комитета, а также из Московского, Ивано-Вознесенского. Но именно сейчас, как никогда, нужна наша сплочённость. Как никогда, мы должны быть активны и осторожны в то же время. Помнишь, Филипп Иванович, – обратился он к рябому мужчине, – как мы в пятом году на тачке прокатили своего генерала Майделя? Ты тогда ещё у нас работал... Артиллерийское управление с перепугу согласилось почти со всеми нашими требованиями, а Майдель богу душу отдал...

– А после этого что было, Алексей, забываешь? – сильным басовитым голосом проговорил Блохин. – Почти половину завода арестовали. Да и мы с тобой чудом только уцелели. Молись Николаю-Угоднику, что тифом вовремя заболел.

– Вот – слышу речь не мальчика, а мужа!

Все повернули головы на этот голос.

В дверях стоял мастеровой с чемоданчиком. Он поставил его к стенке, снял пиджак, повесил на спинку стула, снял картуз, провёл рукой по густым, с сильной проседью волосам и только тогда шагнул к столу навстречу улыбающимся ему людям.

– Здравствуйте, товарищи!.. Здравствуй, Клавочка, Филипп Иванович... Алёшка Фомин... Петро и ты, Денис...

Здравствуйте. Если бы вы знали, как я рад вас всех видеть...

– Иван Герасимович, дорогой наш, а мы-то... – пробасил Блохин, обнимая и похлопывая прибывшего по спине. – Можно сказать, все жданки поели, ожидая. С приездом...

Клава подошла к Алёнке, провела нежной рукой по её волосам:

– Ну, Алёнушка, иди на работу, смотри в оба.

– Хорошо, тётя Клава, мама всё сделала, как вы велели. А я ей на помощь. – И, зардевшись от радости, что ей, как большой, поручено ответственное задание, выскользнула из комнаты, плотно прикрыв дверь.

– Во-первых, товарищи, вам привет от Ленина... – услышала Клава голос Ивана Герасимовича. – Тихо, тихо, без шума... Он жив, здоров и работает, как всегда, день и ночь. Когда отдыхает, просто и не знаю. Владимиру Ильичу очень трудно на чужбине, одиноко без своих близких товарищей. Вокруг гуляет море социал-шовинистической стихии. Но он энергичен, бодр, полон веры в нашу близкую победу. Революция не за горами, она наш завтрашний день, товарищи. Ну, а сегодняшний день?

Утро его загорается в пожаре войны. Да, товарищи, Россия – накануне войны...

Клава слушала тихий и уверенный голос Ивана Герасимовича в этой маленькой, с дешёвыми обоями комнате на окраине Петербурга, и в голосе своего товарища она слышала слова и мысли великого человека, от которого совсем недав-

но приехал Иван Герасимович.

Клаве представилась огромная Россия, несчастная, любимая её родина. Нищая, голодная, обобранная кучкой имени-тых проходимцев, она билась, задыхалась в нужде и отчаянии. Как щупальца жадного, ненасытного чудовища – спрута, протянулись к России руки капиталистов Англии, Франции, Германии. Русская медь, уголёк, золотишко, пшеница – давай, гребь, неси, заталкивай в ненасытную глотку. И всё мало, мало... Теперь дорвались до главного – подавай им крови, крови человеческой, жизни людской на их пиршество.

– ...И мы, – слышит Клава, – должны разъяснять это народу – рабочим, крестьянам и армии. Многие из нас пойдут на фронт, и наша задача – нести ленинское слово, множить наши силы...

И Клаве вспомнились небольшая уютная комната на тихой улочке в Польше, письменный стол, заваленный книгами и рукописями, и стремительно движущаяся по листу бумаги ленинская рука. Мягкий зеленоватый свет настольной лампы освещал лицо Владимира Ильича, голову, его необыкновенный лоб гения. Но особенно в памяти осталась эта стремительно скользящая по листу бумаги рука, из-под пера которой рождались слова, мысли, пламенные ленинские призывы, что несли потом через все полицейские кордоны на родину его товарищи по партии, простые борцы революции, такие как Иван Герасимович, она, Клава Страхова, многие

другие, и передавали в свою очередь тоже товарищам, как сейчас передаёт Иван Герасимович Блохину, Фомину с военного завода... А они понесут дальше и дальше. И ленинская живая мысль будет биться в сердце каждого простого человека.

Глава 2

В эту ночь в квартире Звонарёвых появились жандармы.

– Прошу прощения, господа, – с видимым удовольствием выговаривая каждое слово, сказал молодой, небольшого роста ротмистр с лихо закрученными усами. – Извольте ознакомиться с сей бумагой.

И он вручил Звонарёву ордер на обыск. Ротмистр нагловатыми хозяйскими глазами осмотрел со вкусом обставленную комнату, испуганных детей, перевёл взгляд на широкоплечую фигуру Васи Зуева, на одетую наспех Варю, задержался взглядом на её растрепавшейся пышной русой косе, на полной обнажённой шее. Встретив его взгляд, Варя, как от холода, зябко передернула плечами и брезгливо запахнула на груди синий халатик.

Всю семью собрали в детской. Надюшка смотрела большими понимающими глазами то на мать, то на отца, то на стоявшего в дверях жандарма. Маленькие девочки, похныкав, уснули. В остальных комнатах орудовали жандармы и двое штатских. Для проформы ротмистр пригласил понятыми соседей Звонарёвых. Сонные и злые, они плохо понимали, чего от них хотят, зачем подняли в такой поздний час с их тёплых постелей, привели в квартиру Звонарёвых, таких милых и степенных людей, и заставили смотреть на весь этот разор и беспорядок.

– Послушайте, господин ротмистр, – обратился Сергей Владимирович к ротмистру. – Ваши действия, по сути, никем не контролируются. Нельзя же принимать всерьёз за свидетелей этих испуганных людей. Я решительно протестую. Ваши жандармы могут подкинуть всё, что им заблагорассудится. А потом меня обвините в крамоле. Нечего сказать, порядочки!

– Поосторожнее в выражениях, господин Звонарёв! Вы имеете дело не с шулерами, а с верными слугами престола. Мы свою службу знаем, нас учить не надо. Поучили бы лучше свою супругу. Не женское это дело совать нос в политику. Сидела бы лучше на кухне или детей рожала...

– Как вы смеете, – вспыхнула от гнева и обиды Варя, – указывать, что мне делать!

– Смею, сударыня! – Наглые глаза ротмистра налились злобой. – На то мне дана власть моим начальством. Это вы не смеете...

– Нет, вы послушайте, что он говорит, – не выдержал Вася Зуев. Его загоревшее, густо усыпанное крупными веснушками лицо покраснело от сдерживаемой ярости. – Этот жандарм смеет читать мораль тёте Варе!

Он подошёл вплотную к ротмистру, чувствуя, как руки наливаются свинцовой тяжестью. Богатырского роста и сложения, Вася производил внушительное впечатление.

Но маленького ротмистра, видимо, было трудно испугать.

– Вот что, господин студент, – сквозь зубы процедил он. –

Остыньте и не задирайтесь. Мы и о вас кое-что знаем. Не пришлось бы нам ещё раз встретиться...

В его голосе звучали угроза и явный намёк. Варя подошла к Васе и, взяв его под руку, молча увела в другой конец комнаты.

Обыск вёлся без особой тщательности, и Звонарёв уже считал, что всё закончится благополучно, когда ротмистр совершенно неожиданно предъявил ордер на арест Варвары Васильевны.

Звонарёв опешил:

– То есть как? На каком основании?

– Раз есть ордер – значит, есть и основание, – холодно ответил жандарм. И, обернувшись к арестованной, он сказал подчёркнуто вежливо: – Прошу вас, госпожа Звонарёва, собрать вещи и следовать за мной. Внизу ждёт извозчик. Он доставит вас, разумеется под конвоем, в дом предварительного заключения.

– Это чёрт знает что! – возмутился Сергей Владимирович. – Я буду жаловаться в Государственную Думу и потребую, чтобы министерство внутренних дел взгрело вас за этот произвол.

Ротмистр насмешливо скривил губы:

– Жалуйтесь хоть самому господу богу! Я только выполняю приказ. – Он указал на книги и записи, отобранные при обыске. – Эти вещи я передам следователю. А с вами, господин студент, надеюсь, мы ещё увидимся.

Варя держалась мужественно. Спокойно собрала вещи, простилась с мужем, детьми, Васей, словно отправлялась на дачу, а не в тюрьму.

– Варенька, родная, я сделаю всё. Ты скоро опять будешь дома. Только береги себя. Не горюй. – Звонарёв обнял жену, прижал к груди.

– Спасибо, Серёжа. Ты не волнуйся, крепись. Всё будет хорошо. Я себя в обиду не дам. – И, внимательно посмотрев на Зуева, добавила: – Будь умником, Вася, береги себя.

Когда её увезли, Сергей Владимирович вдруг почувствовал такое одиночество, что едва не расплакался. Он стоял у окна, смотрел на белёсое небо, на дома, окутанные утренним туманом, и лихорадочно думал о том, что делать, как поступить, чтобы выручить Варю. Мысли путались. Душевное смятение не проходило.

Подошёл Вася и тоже остановился около окна, задумался. Долго молчали.

– Дядя Серёжа, – наконец нарушил молчание Вася, – что же мы стоим? Надо что-то делать... Лучше бы всего сейчас поехать к Краснушкиным, посоветоваться. Иван Павлович поможет.

– Да, Вася, надо ехать, надо действовать и главное – не распускать нюни. Этого хотела и Варя. И ещё одно её желание мы должны немедленно выполнить... Какая она всё-таки умница, какой у неё удивительно стойкий характер и выдержка! Подумай только, под конвоем уводят из дома от де-

тей, от семьи, а она не теряет голову и даёт нам, мужчинам, наказ.

– Какой наказ?

– Уезжать тебе немедленно.

– Почему? Она этого не говорила.

– Она сказала: «Береги себя». А это значит – уезжай сейчас же, скорей, немедля. Не хватало, чтобы арестовали ещё и тебя...

У Краснушкиных дверь открыл сам доктор, в ночной пижаме, с припухшими после сна веками. По лицу раннего гостя он сразу догадался, что тот чем-то крайне встревожен. Ни о чём не спрашивая, Краснушкин провёл его в свой кабинет.

Сергей Владимирович коротко рассказал обо всём. Весть об аресте Вари подействовала на Краснушкина ошеломляюще.

– Неприятно, чёрт возьми! Очень неприятно, – пробубнил он, нервно барабанив пальцами по столу. – Какие основания?

– Не знаю, – развёл руками Звонарёв. – В том-то и дело, что не знаю.

Краснушкин задумчиво прошёлся по кабинету, затем остановился против Звонарёва и, как бы рассуждая вслух, сказал:

– Надо полагать, что всё это связано с предстоящим приездом французского президента. На заводах волнения. Пути-

ловцы⁴ даже соорудили баррикады и засыпали дорогу битым стеклом, чтобы казаки не могли подъехать к заводу. Гвардейские части, находящиеся в Красносельских лагерях, получили приказ быть готовыми к переезду на зимние квартиры в Питер. Вот-вот разразится война из-за убийства австрийского эрцгерцога в Сараево⁵. Австрияки предъявили неприем-

⁴ Путиловцы – рабочие Петербургского завода Путилова (назван по имени русского инженера и предпринимателя Н. И. Путилова). Созданное как чугунолитейное предприятие, Путиловский завод (сегодня – Кировский) со временем начал производить артиллерийские боеприпасы, паровые машины, товарные вагоны, миноносцы, броненосцы, станки, сельскохозяйственное оборудование. Также было освоено художественно-литейное производство – завод участвовал в создании архитектурных ансамблей и монументально-скульптурных памятников Петербурга и пригородов. В 1900 году Путиловский завод занял первое место по объёму производства среди русских металлургических и машиностроительных заводов. Путиловцы были передовым отрядом рабочего движения в стране. В 1905 году с их забастовки начались события, которые вошли в историю как Кровавое воскресенье. А в 1917 году митинги путиловцев, вышедших с лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Хлеба!», переросли в столкновения с полицией и послужили началом Февральской революции в Петрограде.

⁵ Убивший 28 июня 1914 года в Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда Гаврило Принцип (1894–1918) принадлежал к сербской националистической организации. Австро-Венгрия и Германия, стремясь развязать войну и по полной программе использовать для этого выстрелы Принципа, обнародовали фальшивую схему: за выстрелами «сербских националистов» стояли официальные власти в Белграде, а за ними, в свою очередь, «агрессивная Россия», имевшая с сербами длительные и прочные связи. Получалось, что рукой 19-летнего Принципа водили одновременно сербский король Пётр I и российский император Николай II. Спецслужбы Германии и Австро-Венгрии ещё во время Первой мировой войны печатали в газетах сфальсифицированные ими документы, якобы прямо доказывающие именно эту точку зрения. А после югославского кризиса 1990-х годов, в котором, по версии Запада также виноваты исключительно

лемый ультиматум Сербии, а наши пригрозили мобилизацией Киевского и Одесского округов.

– Неужели-таки война? – не поверил Звонарёв.

– Да, в воздухе пахнет порохом, – подтвердил Краснушкин. – Вчера один профессор вернулся из Германии. Там только и разговоров что о войне с Россией.

– Но при чём же здесь Варя?! – с горечью воскликнул Сергей Владимирович.

– Они боятся революционных выступлений. Ну, а Варя у тебя, Сергей, молодчина. Эх, какая молодчина и умница! – с нежностью проговорил Краснушкин. – Хоть немного бы от её разума моей половине. – И, помолчав немного, продолжал: – Вот я теперь уже не профессор кафедры внутренних болезней Военно-медицинской академии, а старший врач Закатальского господина Иисуса Христа пехотного полка. И всё по той же причине, что политика сейчас входит в каждый дом. Это ты, Сергей, живёшь, ничего не видишь, выходит – и видеть не хочешь. Варя женщина, а насколько она дальновиднее тебя! А ты под стать моей Катерине.

– Ну вот, обласкал называется! Я к тебе со своим горем, а ты ко мне с политикой, – обиженно отозвался Звонарёв. – Да, я не занимаюсь политикой и знать её не хочу. Вот моё твёрдое мнение, если ты уж заговорил об этом. Я честный

«сербские националисты», миф о «террористе-националисте» стал общим местом, сомнению не подлежащим. А сам факт успешного покушения в Сараево до сих пор служит предметом политических споров, обвинений и самых фантастических предположений. – *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

русский интеллигент, а не бунтовщик. И великое моё горе, что Варя не моя единомышленница, а твоя.

Краснушкин посмотрел на бледное лицо Звонарёва, на его налитые мукой глаза.

— Прости! Я не хотел причинить тебе боль... Не будем об этом. Оставим разговор до лучших дней, когда с нами будет Варенька. Я сейчас же еду к барону Гибер фон Грейффенфельсу, главному начальнику медицинской службы. У меня на него есть надежда. Попытаюсь. Авось поможет. Вечером зайду к тебе. Пока, Сергей, не горюй.

Краснушкин проводил Звонарёва, отказавшегося позавтракать, до дверей и, уже пожимая руку, наставительно посоветовал поскорей спровадить Васю из Петербурга, подальше от всевидящих очей жандармов.

Когда Звонарёв вышел из дома Краснушкиных на улицу, деловое петербургское утро было в самом разгаре. Открывались магазины, лавочки, чайные. Спешили на службу мелкие чиновники. Пирожник пронёс полный лоток горячих ароматных пирожков. Прошла молоденькая девушка в кокетливой шляпке, с круглой картонкой в руках, видимо, модистка, нёсшая заказ богатой моднице. Люди шли, спешили по своим делам. У каждого были свои заботы и печали. Звонарёву надо было идти на завод. Но идти не хотелось. Мысли, будто встревоженный пчелиный рой, теснились в голове.

Звонарёву больно было сознавать, что Варя многое скрывает от него. Он не сомневался в её любви и верности. Она

любила его – в том не было сомнений. Но, любя, скрывала от мужа самое сокровенное – своих новых друзей, свои связи с революционным подпольем. Он, её муж, мог только догадываться об этом. А почему случилось так? Варя шла своей дорогой, которую сама выбирала среди множества более лёгких, блистательных дорог женщин её круга. Она жена инженера, мать троих детей, наконец, дочь генерала, никогда не знавшая нужды. Что заставило её пойти по этому тернистому пути? Звонарёв отказывался понимать. И оттого, что понять это было трудно, Звонарёв чувствовал себя одиноким, обиженным и несчастным в это солнечное летнее утро.

А ведь совсем недавно всё было так хорошо! Варя по случаю трёхсотлетия дома Романовых была полностью восстановлена в правах. Не думалось, не гадалось о каких-то бурях и тревогах. И вдруг на тебе, нагрянули грозовые тучи, закрыли лазурь безоблачного неба. Варя за решёткой. Дети остались без матери. На заводе тоже жди неприятностей.

Не успел Звонарёв прийти на завод, как был вызван начальником завода генералом Тихменёвым.

– Полюбуйтесь, новый военный заказ, – недовольно проговорил он, едва Звонарёв показался в дверях. – Да какой ещё! Винтовки, карабины, пулемёты! И всё срочно. И впрямь пахнет войной. Не было нам печали.

Тихменёв, вглядываясь в новые чертежи, думал о том, что война, судя по всему, неизбежна. И это сулило и ему, военному инженеру и генералу, большие неприятности.

Конечно, не фронт: для этого много строевых генералов, но сейчас посыплются военные заказы. Где взять квалифицированных рабочих? Одних мобилизуют, другие бунтари. Он сам видел вчера, как рабочие вступили в столкновение с полицией. Не испугались, не побежали. Тихменёв совсем расстроился и взглянул на Звонарёва, ища в нём сочувствия.

– Что это вы, голубь мой, нос на квинту повесили? Или с дражайшей поругались?

– Если бы так... – И Звонарёв рассказал о печальных событиях этой ночи.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!⁶ – огорчённо сказал генерал. – Какое несчастье! Надо немедленно вызволять Варвару Васильевну. А то время предвоенное. Кабы чего не вышло...

26 ноября (9 декабря по новому стилю) на Руси праздновали День святого Георгия. Он совпадал с завершением полевых работ, расчётов крестьян с помещиком и сбором податей. А в народе праздник получил название Юрьева дня или Егория Осеннего. Объединение русских земель и создание Московского царства привело к созданию единого свода законов. Это отразилось в Судебнике 1497 года.

⁶ Согласно русской традиции имя святого Георгия Победоносца звучит как Юрий или Егорий. Означающая внезапное разочарование присказка связана с оформлением крепостного права в России. Крестьяне, жившие на землях помещика, имели право переходить от одного владельца к другому. Так продолжалось до конца XV века.

Царь Иван III установил чёткое время перехода крестьян: неделя до Юрьева дня осеннего и неделя после. К этому сроку трудовой сезон в деревне заканчивался, и хозяйство не страдало от потери рабочих рук. Затяжная Ливонская война 1558–1583 гг. привела к разорению страны. Требовались срочные меры для восстановления хозяйства.

Началась перепись помещичьих земель с целью определить размер катастрофы. Поэтому в 1581 году переход крестьян был временно запрещён и введены «заповедные лета» – годы, когда крестьянин не мог по своей воле поменять место жительства. В конце XVI века экономические проблемы вынудили Бориса Годунова вовсе отменить эти дни. Крестьяне не готовы были так легко отказаться от свободы: тут и там вспыхивали бунты, а многие бежали на юг, в вольные земли, или прятались у более крупных феодалов, предлагавших лучшие условия для жизни.

Звонарёв боялся расспросов и неискреннего сочувствия. Он хорошо знал, что чем больше человек оправдывается, тем больше его считают виноватым. И Звонарёв, видя не на шутку встревоженное лицо Тихменёва, с благодарностью воспринял деликатность генерала и его молчаливое понимание.

– Знаете что, дорогой... – медленно вымолвил Тихменёв. – У меня есть мысль: обратиться к нашему начальнику Главного артиллерийского управления Кузьмину-Караваеву. Он человек либеральный, весьма уважал генерала Белого и,

конечно, постарается вам помочь. Тем более что сделать это ему совсем не трудно – его родной брат Кузьмин-Караваев – известный адвокат и член Государственной думы от кадетской партии.

Поздним вечером в осиротевшую квартиру Звонарёвых зашёл Краснушкин. Звонарёва он застал в Васиной комнате. Он сидел около стола, молча и устало перелистывая технический справочник и изредка взглядывая на Васю, который расположился на полу, среди разбросанных вещей, книг и тетрадей.

– Что это у вас? Никак, новый обыск? – спросил Краснушкин.

– Только своими силами, – басом ответил Вася. – На семейном совете решено Василия Зуева отправить по этапу. Подальше от всевидящих очей.

Краснушкин, пододвинув табуретку, сел напротив Звонарёва, взглянул в его напряжённые, спрашивающие глаза.

– Что я узнал о Варе? Пока очень мало. Сидит в предвариловке, числится за следователем Добужинским, по словам, весьма порядочным человеком... Но не огорчайся. Узнаем и побольше. Я уже нашупал преинтересную лазейку. Представь, я сейчас только что от самой красивой женщины нашего времени...

– Нашёл время шутить, – обиженно проворчал Звонарёв.

– А я и не шучу! В самом деле – от мадам Сухомлиновой,

жены военного министра. Был у неё на консультации с профессорами Сироткиным и Введенским. Как видишь, болезнь не щадит и отменных красоток. Ежедневное наблюдение поручено Вашему покорному слуге, как наиболее талантливому, молодому и красивому...

– Иван Павлович, может вам нужен брат милосердия для процедур? – взмолился Вася, лукаво блестя глазами. – Даю слово – вылечим дамочку в два счёта.

– Конечно, только тебя с твоим веснушчатым рылом и не хватает! У неё, братец ты мой, амуры, почитай, почти со всеми великими князьями, с самым великим князем Сергеем Михайловичем, начальником артиллерии. Она – сила огромная. Подумайте только, бывшая киевская кокотка, а сейчас почти всесильная власть. Слух идёт, что её голубые глазки и белокурые локоны поразили сердце самого святого старца Гришки Распутина⁷ – владыки всея Руси. Здесь не до шуток. Вот через неё и попытаемся действовать.

В 1905 году Распутин попал в столицу Российской империи. По его словам, было знамение – явилась Богоматерь, которая рассказала о болезни царевича Алексея, единственно-

⁷ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865, по другим данным 1872–1916) – крестьянин Тобольской губернии, получивший известность «проприцаниями» и «исцелениями». Одна из самых таинственных, загадочных и трагических фигур в русской истории XX века. О нём написано множество романов и повестей, тома научных исследований, сняты отечественные и зарубежные фильмы.

го сына императора Николая II, и приказала спасти наследника престола. Оказывая помощь больному гемофилией наследнику, Распутин приобрёл неограниченное доверие императрицы Александры Фёдоровны и императора Николая II. 30 декабря 1916 года Григорий Распутин убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

Глава 3

Звонарёв вышел на берег Невы и долго бродил по набережной. Вставало солнце, порозовело ясное северное небо. Над рекой ещё висели космы белёсого тумана, сквозь который проступали очертания мостов и серых угрюмых зданий. А шпиль Петропавловской крепости уже поблёскивал, как золотой меч, вонзившийся в прозрачную лазурь небес. С шумом бились о гранит холодные невские волны. В редящийся туман вплетались чёрные дымки буксирных пароходов, медленно тащивших по реке вереницы тяжелогружёных барж. С каждой минутой улицы столицы становились всё более людными и говорливыми. Торопливо шагали к заводам утренние смены. Гулко цокали подковы ломовых лошадей. Озорничая и громко перекликаясь, неслись к типографиям стаи мальчишек-газетчиков. Пробуждаясь от сна, город наполнялся всё возрастающим гулом нового дня.

Звонарёв любил и белые ночи, и эту утреннюю пору, когда дыхание захлёстывают свежие, бодрящие речные ветры. Но сегодня он не испытывал того чувства подъёма, которое обычно вызывали в нём утренние прогулки.

Ветер казался каким-то ознобляющим и резким. Город выглядел неприветливым, чужим, холодным. На сердце лежала гнетущая тяжесть от мысли, что в этом городе за решёткой, в тюремной камере томила Варя.

Из задумчивости Звонарёва вывел знакомый хрипловатый голос:

– Доброе утро, Сергей Владимирович! Что зажурились?

Звонарёв резко обернулся и увидел улыбающееся рябое лицо Блохина, щелочки его смеющихся глаз.

– Здорово, дружище. Откуда ты?

– Да вот вас поджидаю. Домой заходить не хотелось. Сами понимаете, Ваша квартира под наблюдением, а я могу только повредить Варваре Васильевне. Да ещё, сказать по правде, нянька ваша не дуже нравится, любопытная очень. Я бы её на Вашем месте турнул.

– Откуда ты знаешь о моём несчастье? – удивлённо спросил Звонарёв.

– Слухом земля полнится, – снова улыбнулся Блохин. – Пойдёмте сюда, в переулочек, накоротке поговорим...

Когда спустя некоторое время Звонарёв шёл на завод, шумный, деловой Петроград не казался ему уже таким неприветливым и чужим. На душе потеплело от участия верных и хороших людей.

«Как меняются люди! – думал Звонарёв в такт своим бодрым шагам. – Вот Филя Блохин. Давно ли он был горьким пьяницей и ругателем? Блохой, иначе и не звали. А сейчас? Откуда что взялось? Пить бросил, работает отлично, но главное не это, главное – внутренне очень изменился. И глаза стали другие – умные, размышляющие. Рассуждает трезво, логично, грамотно. Видно, что многое знает, но не всё гово-

рит: «Цель в жизни вижу, ради неё и живу».

У него цель в жизни, а у тебя, Сергея Звонарёва, какая цель? Детей вырастить? Так это цель каждого человека. А что твоё сокровенное? Вот и не знаешь, что сказать. И выходит, что Блохин обогнал тебя в чём-то самом главном, что есть у человека в жизни».

И хотя это было горько сознавать, Звонарёв не ушёл от искреннего ответа самому себе. И эта прямота усилила радостное настроение Звонарёва. Он видел, что Варины друзья были настоящими людьми. Им можно было верить, раз они в трудную минуту подали руку помощи, прислали Блохина. «Освободить из тюрьмы сразу, конечно, трудно, – вспомнил он слова Блохина, – но поддержать Варвару Васильевну, переслать ей письма, передачи можно и сейчас». – «Что же, у вас и в тюрьме друзья?» – спросил он Блохина и услышал в ответ: «У нас везде друзья».

В тревоге и ожиданиях прошло несколько дней. И однажды в конце рабочего дня, когда Звонарёв уже собрался уходить домой, к нему заглянул Краснушкин и предупредил, что удалось добиться свидания с Варей.

На следующий день в установленный час они переступили порог угрюмой и неопрятной приёмной дома предварительного заключения.

Свидание продолжалось минут десять. Разговаривать пришлось через проволочную сетку, к которой подвели Варю. Выглядела она больной и усталой, но в глазах по-преж-

нему светились огоньки непреклонности и большой душевной силы.

– Здравствуй, Серёжа, – проговорила она приглушённо, с трудом сдерживая волнение. Улыбнулась, кивнула Краснушкину и снова остановила взгляд на лице мужа. Тот стоял перед ней бледный, нервно покусывая губы, чувствуя, как что-то душит горло.

– Как тебе тут, Варенька?

– Не сладко, но терпимо, – ответила Варя.

– Нам очень тяжело без тебя.

Варя спросила о детях. Подбородок её задрожал. Кажется, она вот-вот расплачется.

– Всё будет хорошо, Варенька, – сказал ободряюще Краснушкин. – О девочках не беспокойся. Они пока у Кати. Мы ведь знаем, что ты ни в чём не виновата.

– Будем верить в лучшее, – тихо отозвалась Варя. – Главное, держись ты, Серёжа. А я выдержу всё, что бы со мной не случилось.

Сергей Владимирович чувствовал, что Вале хотелось сказать ему многое, расспросить. Но что скажешь, когда тут же присутствует тюремный надзиратель? От еды она отказалась. Взяла тёплый платок и вязаную кофточку. Книги не разрешил брать надзиратель.

– Катя передала вам канву для вышивания, иголки и нитки, – сказал Краснушкин. – Возьмите. Это занятие поможет скоротать время.

– Никаких иголок! – буркнул надзиратель.

– Позвольте, почему же? – возмутился Краснушкин.

– Нельзя! Ни иголок, ни спиц. Только вязальные крючки. Краснушкину пришлось согласиться.

Время свидания истекло. Короткое прощание. Варя не проронила ни слезинки. Ушла. Перед тем как исчезнуть за дверью, обернулась, кивнула:

– Не волнуйся, Серёжа, – и повторила слова мужа: – Всё будет хорошо!

В проходной их ждал следователь Добужинский.

– Вообще-то Ваша супруга держится молодцом, – обратился он к Звонарёву. – Вот только не пойму, почему она просит перевести её в одиночку.

– Я очень просил бы вас, господин Добужинский, удовлетворить желание моей жены, – сказал Звонарёв.

– Попытаюсь, – пообещал следователь.

Разговор зашёл об освобождении Вари на поруки под залог. Оказалось, что залог составит изрядную сумму – тысяча десять – пятнадцать.

– Бог мой! – ошеломлённо воскликнул Краснушкин. – Откуда же взять инженеру такие деньги?

– Есть ростовщики, – намекнул Добужинский.

– Похоже, что охранное отделение имеет с ними определённую связь, – едко проговорил Краснушкин. – А может быть и не только охранное отделение...

Добужинский метнул на него вспыхнувший гневом

взгляд:

– Ваши намёки по меньшей мере оскорбительны, господин доктор. Размер залога устанавливаю не я, а прокуратура. В данном случае сумму залога назначит прокурор окружного суда.

– Вильгельм Фёдорович фон Валь?

– Он самый, – подтвердил Добужинский. – Поговорите с ним.

– С этим чинушей трудно поладить, – усмехнулся Краснушкин. – Но, как говорится, попытка не пытка.

Добужинский пригласил всех пройти в свой кабинет, находившийся в окружном суде. Полутёмная комната, выходящая окнами на тюремный двор. Массивная дверь, каменный, покрытый истёртым ковром пол, громоздкая печь в углу. Толстые стены и обрешеченные прочными железными прутьями окна мало чем отличали этот «кабинет» от обычной тюремной камеры.

Следователь отправился к фон Валью. Звонарёв и Краснушкин остались в обществе лысого юркого чиновника, усердно хлопотавшего над какими-то бумагами.

– Та, конечно, думаешь о деньгах! – сказал Краснушкин свояку.

Сергей Владимирович невесело взглянул на него.

– Представь себе, ты угадал.

– Не думай, деньги будут.

– Откуда?

– Кое-что наскребёшь сам. Расшевелим тещу. Ну, и на меня можешь рассчитывать: отдам все свои сбережения.

«Какой же ты изумительный человек!» – подумал Сергей Владимирович о Краснушкине и молча, благодарно стиснул его руку.

Прошло не меньше получаса, прежде чем вернулся Добужинский. По его расстроенному виду Звонарёв понял, что разговор с прокурором был неутешителен.

– Заломил двадцать тысяч. Срок выплаты всей суммы недельный. Формально прокурор прав, такая сумма залога обеспечит явку госпожи Звонарёвой в суд в любое время, – сказал следователь.

Сергей Владимирович был подавлен.

– У меня нет возможности внести столько денег сразу.

– В таком случае ваша супруга останется в тюрьме, – равнодушно заметил следователь.

– Это мы ещё посмотрим! – горячо воскликнул Краснушкин.

* * *

«Несчастье, – говорит русская пословица, – не приходит в одиночку. Одна беда идёт, за собой другую ведёт». Так случилось и со Звонарёвым. Утром, зайдя к Краснушкиным проведать детей, он узнал, что Иван Павлович срочно был вызван в Закатальский полк, к месту своей новой службы.

Уезжал близкий человек, кто был опорой Звонарёву все эти тяжёлые дни. Вместе с его отъездом исчезала надежда на скорое освобождение Вари.

– Поехал к Сухомлиновой, – в слезах рассказывала Катя. – О Варе всё хлопочет. Хоть бы о себе похлопотал...

Вечером Краснушкин зашёл проститься. В форме полкового врача он выглядел молодым, подтянутым и, как всегда, неунывающим и бодрым. Сел в кресло, положив руки на колени, осмотрел, будто прощаясь, квартиру, знакомые картины. Грустно улыбаясь, заметил, что без хозяйки дом сирота и что в их не очень-то весёлом положении разумнее всего было бы отправить Катю с детьми к теще на юг.

– Но ведь ты знаешь мою милую половину, – ни в какую! Избалована. Прожила полжизни в Петербурге. Ни о каком отъезде слышать не хочет. Ну да поживём – увидим, всё образуется.

И уже прощаясь, мягко, с чуть лукавой улыбкой поглядев на Звонарёва, сказал:

– А тебе подарочек от Сухомлиновой, хоть ты и сомневался в её чарах. Прав-то оказался я: в нашей просвещённой монархии фаворитки подчас решают государственные дела.

И Звонарёв, не веря своим ушам от счастья, узнал, что прокурор снизил сумму залога до трёх тысяч и что в скором времени Варя будет освобождена.

Глава 4

В начале июля 1914 года в Петербург прибыл, наконец, президент Французской республики Раймон Пуанкаре⁸. Это был его второй визит в столицу Российской империи. Два года, отделявшие первый визит от второго, бывший адвокат вёл кипучую деятельность по подготовке войны против Германии, укреплял франко-русский военный союз, чем и снискал себе мрачное прозвище «Пуанкаре-война». Он знал, что его воинственный пыл импонировал крупной буржуазии и клерикалам, и поэтому с особым рвением старался разжечь мировой пожар. Это усердие помогло ему занять пост премьер-министра, а затем стать и президентом.

В рамках деятельности русско-французского союза дважды бывал в России с официальным визитом в 1912 и 1914 годах. Основное событие его президентства – Первая мировая война, сторонником которой он считался, всегда ратовал за антинемецкие отношения.

В годы англо-французской интервенции в Советской России были популярны демонстрации с плакатами: «Лорду – в

⁸ Пуанкаре Раймон Николя Ландри (1860–1934). В 1902 году стал сооснователем демократического республиканского альянса, наиболее важной правоцентристской партии Третьей республики. Три раза был премьер-министром Франции (в том числе два раза после ухода с президентского поста: 1912–1913, 1922–1924, 1926–1929).

морду!» (про Керзона) и «Пуанка́ре – получи по харе!»

Не удивительно поэтому, что приезд Пуанкаре в Россию совпал с самым разгаром рабочих волнений в Питере. Добрая половина столичных заводов и фабрик бастовала, на улицах строились баррикады. Забастовал военный завод, на котором работал Звонарёв.

Утром, придя на работу, Звонарёв был поражён непривычной картиной. Обычно в рабочее время заводской двор не отличался многолюдием. Изредка пройдёт мастер в контору или заглянет бригадир, шмыгнёт уборщица или рабочий по своей надобности, и снова пустынно, лишь доносится из рабочих корпусов лязг, скрежет станков, завывание электромоторов.

А сегодня Звонарёв остановился в изумлении. Большой заводской двор был полон людей. Рабочие стояли группками, сидели, прислонясь к пустым бочкам или забору, курили, горячо, но не громко разговаривали, спорили.

«Забастовка, – пронеслось в голове Звонарёва. – Не ко времени. У нас срочный заказ».

Увидев инженера, рабочие замолчали, настороженно, недружелюбно поглядывая на него. «Хоть ты и не вредный человек, – читал Звонарёв в этих взглядах, – не ругатель и мы на тебя не обижаемся, но всё-таки ты не наш брат рабочий, а чужак. И настоящей веры тебе нету».

Заметив знакомого рабочего Фомина, Звонарёв остановился и спросил:

– Бастуете, что ли, Фомин?

– Бастуем, господин инженер! Вот дожидаемся генерала. Хотим с ним потолковать. Да не только мы бастуем. Почитай, половина Питера сегодня встала.

В это время в проходной раздался звучный, по-хозяйски властный голос Тихменёва. Дверь распахнулась и показалась пятящаяся задом, согбенная в низком поклоне перед генералом фигура Вьюнова.

Тихменёв быстро, не глядя на рабочих, направился к управлению завода. Заметив стоявшего с рабочими Звонарёва, генерал остановился. Инженера поразило взволнованное лицо генерала, его напряжённые глаза.

– Бастовать вздумали, голубчики? – обратился он к стоявшему неподалёку Фомину. – Не ко времени. Ничего хорошего из этого сейчас не выйдет. Это вам не девятьсот пятый год.

Фомин вышел вперёд и, спокойно остановившись перед генералом, подал ему сложенную пополам бумагу.

– Наши требования, Ваше превосходительство.

Голубые умные глаза Фомина спокойно выдержали сердитый взгляд Тихменёва, который словно говорил: «Ты у меня ещё попляшешь! Расправимся с такими по всей строгости». – «Ты нам не грози, мы не из пугливых, – будто ответили глаза рабочего, – тебя мы не боимся».

Предложив Звонарёву взять бумагу, генерал прошёл в управление.

В кабинете, расстегнув ворот кителя, он принялся читать бумагу. Возмущению его не было границ, когда он бегло ознакомился с требованиями рабочих.

— Чуют, что в воздухе пахнет войной. Узнали, что приехал Пуанкаре. Соображают... Обратили внимание, — он взглянул на Звонарёва, — какие глаза у этого рабочего, что говорил со мной? Умница! Спокойный, выдержанный, за собой чувствует силу.

Тихменёв плюхнулся в кресло и ещё раз пробежал глазами бумагу.

— Вы подумайте только, что они пишут: увеличение расценок в связи с новым заказом, выплата по болезни, ликвидация «чёрных списков», свобода собраний и сходок, открытие вечерней школы для рабочих... Нет, это уж слишком.

Второй день Звонарёв вместе с Тихменёвым вели переговоры с делегациями рабочих по поводу их требований. Вполне сочувствуя рабочим, Сергей Владимирович пытался склонить Тихменёва на некоторые уступки. Генерал и слушать не хотел. До хрипоты в голосе он доказывал полнейшую неприемлемость требований рабочих.

— Зачем нам спорить и толочь воду в ступе? — сказал ему Звонарёв на второй день забастовки. — Давайте представим начальству все требования рабочих, что принять и что отклонить.

— Что вы, что вы! — ужаснулся Тихменёв. — Если мы сдела-

ем это, нас с вами выгонят с завода. Только подумать: восьмичасовой рабочий день и увеличение расценок на пятьдесят процентов! Ведь это требование девятьсот пятого года! А у нас, слава богу, тысяча девятьсот четырнадцатый, и за нашей спиной не Маньчжурия, а третьеиюньская Государственная дума.

– ...Со столыпинским галстуком⁹ и казачьей плёткой, – напомнил Звонарёв.

Тихменёв замотал головой.

– Сергей Владимирович, вы, право, несносный человек!

– А то, что творится на заводе, сносно? – иронически спросил Звонарёв. – Военный завод – и вдруг бастует в момент приезда столь высокого гостя, как французский президент.

– Да это же не только у нас, чёрт побери! – воскликнул

⁹ Столыпинским галстуком принято называть верёвку для повешения. Эту фразу связывают с деятельностью Петра Столыпина, которому приписывают организацию массовых казней бунтовщиков периода 1905–1907 годов. Словосочетание напоминает другую похожую фразу с тем же значением – «пеньковые галстуки», поскольку верёвки чаще всего делали из пеньки. Впервые это высказывание было произнесено во время заседаний Госдумы 17 ноября 1907 года (по старому стилю). Депутаты обсуждали проблему предоставления военно-полевым судам расширенных полномочий. Дискуссия свелась к оскорблениям личности председателя Совета Министров Петра Столыпина. Выступавший от партии кадетов Фёдор Родичев сравнил действия Столыпина с мерами, которые принял генерал Муравьёв при подавлении Польского восстания 1863 года. Многие из зачинщиков тех беспорядков были повешены. Такие действия получили прозвище «муравьёвский воротник». Именно об этом вспомнил кадет, сказав, что борьба с бунтовщиками может войти в историю как «столыпинский галстук».

Тихменёв.

– И тем не менее нам надо без шума и как можно скорее урегулировать все эти вопросы, – настаивал Звонарёв.

После долгих колебаний Тихменёв отважился последовать совету Сергея Владимировича и отправился с докладом к начальнику Главного артиллерийского управления. Вернулся он через два часа в приподнятом настроении и, вызвав к себе Звонарёва, объявил, что начальство, учитывая визит французского президента в столицу, нашло возможным удовлетворить некоторые требования рабочих военного завода.

– Верите, у меня будто гора с плеч свалилась, – признался Тихменёв. – Поручаю вам сообщить рабочим о наших уступках, и пусть сегодня же приступают к работе.

Звонарёв с удовольствием выполнил это поручение. Забастовка на заводе прекратилась. Тихменёв окончательно успокоился. Вечером, после обхода оживших цехов, он сказал Звонарёву:

– Ну, слава богу, всё обошлось для нас без неприятностей. Теперь можно и развеяться. В Главном артуправлении я получил два пригласительных билета на «Зарю с церемонией», которая состоится завтра вечером в Красносельском лагере по случаю визита Пуанкаре. Не хотите ли составить мне компанию? Моя жена заболела, и один билет свободен.

– Не до церемоний мне сейчас, Павел Петрович! – вздохнул Звонарёв. – Жена всё ещё в тюрьме. Какие уж тут развлечения!

Тихменёв отнёсся к его отказу неодобрительно:

– А я бы на вашем месте обязательно воспользовался возможностью побывать там.

– Зачем? – Звонарёв непонимающе взглянул на генерала.

– Чудак вы, право, – заметил с улыбкой Тихменёв. – Там будет царь с семейством, двор, Пуанкаре и весь влиятельный бомонд. Поверьте, ваше присутствие в таком обществе наверняка бросится в глаза жандармам. Наденьте военную форму со всеми регалиями. Медаль за русско-японскую войну и значок за оборону Порт-Артура. Ну, а рядом с вами буду я, генерал, обвешанный крестами, медалями, с лентой Станислава 1-й степени через плечо¹⁰. Каково, а?

«А, пожалуй, есть смысл поехать с ним! – подумал Звонарёв. – Чем чёрт не шутит, может быть, и впрямь это поможет...»

¹⁰ Императорский и Царский Орден Святого Станислава – орден Российской империи с 1831 до 1917 года. Самый младший в иерархии орденов, главным образом для отличия чиновников. Правила ношения ордена I степени – серебряная звезда и на красной ленте большой золотой крест у левого бедра.

Глава 5

На следующий день в установленный час Сергей Владимирович, облачённый в военный мундир, прибыл на Балтийский вокзал и встретился с Тихменёвым, картинно наряженным в генеральскую парадную форму. Все вагоны первого класса были переполнены разодетыми дамами, генералами и придворными.

В купе стояла духота, и Тихменёв со Звонарёвым предпочли остаться в коридоре у открытого окна. Именитые пассажиры говорили преимущественно на французском языке. Французские анекдоты, французские салонные шутки, изысканные обращения, манеры, жеманный смех дам и девиц. Ничего русского, всё на чужеземный лад.

– Эх, наша матушка Русь! – с искренней горечью сказал Тихменёв. – Русского слова здесь не услышишь.

Звонарёв промолчал.

– Речь французская, а нищета русская, – усмехнулся генерал. – Где-нибудь в Париже или, скажем, в Брюсселе вся придворная знать на собственных автомашинах разъезжает, а наша – в поезде или в допотопных экипажах.

«Какая всё это мерзкая шваль! Ненавижу, ненавижу! – со злостью и отвращением думал Звонарёв, глядя на парадных, надушенных генералов, на их затянутых в корсеты жён, обсыпанных бриллиантами. – И этим людям дано право карать

и миловать! От них зависит судьба Вари, моя судьба, наше счастье... Почему они здесь, на свободе, живут, веселятся, сплетничают, а Варя находится, страшно подумать, в сырой камере, бог знает с кем – с ворами, проститутками... Где же справедливость?»

Звонарёв прислушался к монотонному перестуку колёс, в котором вдруг отчётливо услышал: «Под-ле-цы, под-ле-цы...».

– Подлецы! – выдавил сквозь зубы Звонарёв.

– Пардон, не расслышал. Это вы мне? – спросил, наклонив голову, Тихменёв.

– Простите, ваше превосходительство. Не вам.

* * *

Красносельский военный лагерь располагался вблизи железнодорожной станции. Он был оцеплен солдатами. В местах проезда стояли жандармские офицеры, которые внимательно проверяли документы и пригласительные билеты.

Тихменёв представил Звонарёва как своего адъютанта, и они вместе прошли к небольшому помосту, откуда была хорошо видна вся передняя линейка лагеря. На помосте толпились придворные дамы, министры, генералы. Невдалеке, примыкая к передней линейке, возвышался земляной валик, покрытый сочной травой. На нём был разбит шатёр для царя и его семейства. Валик охранялся казаками-конвойцами.

Перед шатром стояли лёгкие стулья и кресла.

Вдоль передней линейки уже были выстроены гвардейские полки. На правом фланге – преображенцы, рядом с ним – семёновцы, далее – первая артиллерийская бригада, измайловцы¹¹ и егеря. Затем стояли полки второй гвардейской дивизии и гвардейские стрелки. На правом фланге полков развевались старые заслуженные полковые знамёна, бывшие под Полтавой и Бородином, тут же располагались полковые оркестры. Яркий блеск медных труб, шёлк знамён, и всё это на фоне зелени, голубизны небес. Над лагерем плыл несмолкаемый говор многолюдной праздной толпы.

Звонарёву особенно понравились гвардейцы – рослые, загорелые, сильные, чем-то схожие с былинными богатырями. Он поделился своим впечатлением с Тихменёвым.

– Ещё бы! – воскликнул тот. – Ведь здесь собран цвет русской нации. По всей России в гвардию отбирают высоких, могучих и красивых людей. В первой роте Преображенского полка нет солдат ростом ниже ста восьмидесяти сантимет-

¹¹ Преображенцы, семёновцы, измайловцы – Преображенский и Семёновский полки были сформированы царевичем Петром Алексеевичем в 1691 году как потешные войска для игровых битв. При их создании Пётр I понял преимущества использования регулярной армии. По образу Семёновского и Преображенского полков он стал создавать другие пехотные полки. Семёновский лейб-гвардии полк и Преображенский лейб-гвардии полк являлись элитой армии и после правления Петра I. Лейб-гвардии Измайловский полк – сформирован в Москве 22 сентября 1730 году по приказу императрицы Анны Иоанновны. Чтобы создать надёжную опору трону, она повелела сформировать из верных людей два новых гвардейских полка – Измайловский и Конный.

ров. А первый взвод сплошь выше сажени. Далеко не всякая страна может похвастаться такими молодцами!

Публика прибывала. Звонарёв увидел начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева¹², высокого статного старика, бросавшегося в глаза своей незаурядной внешностью и выправкой. Рядом с ним шагал его брат – адвокат, – в белом парадном фраке и блестящем чёрном цилиндре на голове.

Вскоре на дороге, ведущей к главному лагерю, показалась группа всадников во главе с великим князем Николаем Николаевичем – главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Его сопровождали командир гвардейского корпуса генерал Безобразов¹³, несколько адъ-

¹² Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич (5 декабря 1856 – 19 января 1950) – русский военный деятель, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, начальник Главного артиллерийского управления, член Военного совета. Хороший строевой офицер, не имевший специального образования и навыков административной работы, считался кратурой великого князя Сергея Михайловича – руководителя русской артиллерии. Ошибки и нераспорядительность Кузьмина-Караваева были одной из причин так называемого снарядного голода, постигшего русскую армию весной 1915 года и приведшего к тяжёлому поражению. 24 мая 1915 был снят с должности и лишён содержания. По подозрению в упущениях по службе было начато расследование, однако сумел оправдаться перед следственной комиссией и летом 1916 прокурор отказал в привлечении его к ответственности за отсутствием улик. После революций добровольно вступил в РККА, служил на артиллерийском полигоне, в комиссии артиллерийских опытов. В 1930 году вышел в отставку по возрасту, получил персональную пенсию. В 1935 году лишён пенсии и выслан со всей семьей из Ленинграда в Казахстан.

¹³ Безобразов Владимир Михайлович (11 января 1857 – 17 сентября 1932) – русский военачальник, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Участник рус-

ютантов и ординарцев.

Над лагерем пронеслась зычная команда командира пре-
ображенцев генерала графа Игнатьева¹⁴:

– Стано-о-вись!

С 1941 проживал в Муроме. В 1943 году пенсия была вос-
становлена. 18 ноября 1944 г. награждён орденом Ленина с
формулировкой «за многолетнюю службу и выдающуюся де-
ятельность в области развития русской артиллерии», но вер-
нуться в северную столицу разрешено не было.

Полки замерли в полной неподвижности. Говор утих. Всё

ско-турецкой войны 1877–1878 годов. В 1903–1905 годах председатель комитета
Российского автомобильного общества. В 1915–1916 годах – командующий вой-
сками гвардии. После революции эмигрировал во Францию. Скончался в Ницце.

¹⁴ Игнатьев Алексей Алексеевич, граф (1 марта 1877 – 20 ноября 1954) – рус-
ский и советский военный деятель, дипломат, писатель. Генерал-майор Россий-
ской республики (1917). Генерал-лейтенант РККА (1943). Родился, как сегодня
бы сказали, среди элиты, его окружение с детства – представители высшего света.
Мать фрейлина императрицы Марии Александровны, отец – член Государствен-
ного совета, командующий Иркутским военным округом и генерал-губернатор
Восточной Сибири. Дядя – министр внутренних дел в 1881–1882 годах. В 1900
году поручик Игнатьев поступил в Николаевскую академию генерального шта-
ба, через три года прикомандирован к Офицерской кавалерийской школе. Затем
принимает эскадрон в лейб-гвардии Уланском Ея Величества полку. С началом
русско-японской войны пишет рапорт и одним из первых гвардейцев уезжает
на фронт. Здесь ему вплотную приходится работать и разведчиком и диплома-
том. Не раз молодому офицеру приходилось участвовать и в боях. Война пода-
рила Игнатьеву бесценный опыт управления подразделениями, ведения развед-
ки, контузию и тиф. Нужно сказать, что именно русско-японская война впервые
зародила в молодом генштабисте сомнения в состоятельности правящих кругов.

внимание толпы было сейчас приковано к приближающейся кавалькаде.

– Слу-у-шай, на кара-ул! – скомандовал Игнатьев.

Солдаты дружно вскинули винтовки с острыми сверкающими штыками, оркестры заиграли марш. Великий князь, сухопарый, подтянутый, будто слитый с конём, подскакал к правому флангу Преображенского полка и громко поздоровался с солдатами. Те ответили на приветствие единым могучим голосом – чётко, строго размеренно. Воздух содрогнулся от их дружных, громких выкриков.

Князь медленно двинулся вдоль фронта замерших полков, придирчиво вглядываясь в безукоризненный строй солдат со вскинутыми на караул винтовками. Когда он миновал последнюю роту первой пехотной дивизии, её полки по установленному правилу опустили винтовки к ноге. Остальные части продолжали равнение на командующего, и волны ответных приветствий катились ему на встречу.

– Здорово! Правда ведь? – восторженно обратился Тихменёв к Звонарёву.

Объехав весь лагерь, великий князь вернулся к Преображенскому полку. Начинался главный акт этого грандиозного, строго распланированного спектакля.

На лагерной дороге показался царь Николай II верхом на белом аргамаке в сопровождении конвойных казаков в алых и синих черкесках. Дальше следовали открытые ландо, на которых восседали царица, президент Франции Раймон Пуан-

каре, члены царской семьи и приближённые из свиты.

Снова над лагерем воцарилась полнейшая тишина. Всё, казалось, затаили дыхание. Снова к небу рванулась команда:
– Слушай, на караул!

Гулким эхом отдалась она по всему лагерю. Великий князь поскакал навстречу Николаю II. Отсалютовав обнажённой шашкой, он отдал царю строевой рапорт.

Едва царь поравнялся с правым флангом преображенцев, знамённый опустил до земли полковое знамя и тотчас вскинул его вверх. Царь отдал честь знамени и направился вдоль парадной линейки. Грянуло «ура».

Царь улыбался, приветственно раскланивался. За ним, придерживая гарцующего коня, скакал великий князь. В нескольких шагах от них следовало ландо с императрицей Александрой Федоровной и Пуанкаре. Президент – в чёрном фраке, белой жилетке, с муаровой лентой Андрея Первозванного, накануне пожалованной ему царём. Он помахивал цилиндром в высоко поднятой руке, что-то говорил царице и любезными поклонами отвечал на приветствия вошедшей в верноподданныческий раж публики. Вся в белом, в пышной шляпке из белых страусовых перьев, подрумяненная и напудренная, императрица выглядела моложе своих лет и казалась красивой. Остальные ландо остановились возле валика. К шатру поднялись четыре царевны, казак с большим наследником на руках, фрейлины и царедворцы. Великие княжны были одеты одинаково: белые гладкие платья,

белые чулки, белые туфельки и простые соломенные шляпки. Точь-в-точь провинциальные барышни среднего достатка. Десятилетний наследник был в форме Преображенского полка.

Проезжая по фронту гвардейских полков, Пуанкаре внимательно, чисто по-хозяйски всматривался в статные фигуры русских чудо-богатырей, рослых, крепких, мускулистых. Для президента всё это было пушечное мясо, по дешёвке купленное им на золотые займы царскому правительству для подавления революции. Пуанкаре невольно сравнивал солдат русской гвардии с полками сенегальских стрелков, тоже рослых и сильных, которые, как и русские, должны были защищать прекрасную Францию в случае войны. Пуанкаре, как хозяин, остался доволен видом русских наёмников, о чём и поспешил сообщить Александре Фёдоровне.

Пока царь и президент объезжали фронт гвардейцев, полковые оркестры по задней линейке пробирались к Преображенскому полку, образуя огромный сводный оркестр всех гвардейских частей.

Закончив объезд частей, царь, а за ним и ландо с Пуанкаре и императрицей вернулись к валику. Царь спешил и, подождав Пуанкаре, вместе с ним и императрицей поднялся к шатру. Невдалеке от них остановился и великий князь Николай Николаевич¹⁵, как бы ожидая дальнейших царских

¹⁵ Романов Николай Николаевич (в придворных кругах прозванный «младшим»; 6 ноября 1856 – 5 января 1929) – первый русский верховный главноко-

приказаний.

С того места, где обосновались Тихменёв и Звонарёв, было прекрасно видно всё, что происходило около шатра. Тихменёв вполголоса называл имена князей, министров и иностранных послов, толпившихся позади царской семьи и французского президента.

Звонарёв перевёл свой взгляд на великого князя Николая Николаевича. Он видел его и раньше, но теперь обратил внимание на его высокую фигуру. Бросались в глаза непомерно длинные ноги, над которыми возвышалось короткое туловище и совсем маленькая для его роста и уже сильно седеющая голова. Лицо великого князя было красивое, с тонкими чертами и волевым ртом.

– Ругатель отменный, – тихо комментировал Тихменёв,

мандующий. В период русско-турецкой войны 1877–1878 годов был определён офицером для особых поручений при главнокомандующем Дунайской армией – своём отце и тезке, который был третьим сыном императора Николая I. Став в 1890 году генерал-лейтенантом, великий князь получил в командование гвардейскую кавалерийскую дивизию. В начале русско-японской войны отказался принять в ней участия, так как не ладил с наместником России на Дальнем Востоке адмиралом Е. И. Алексеевым, возглавил Совет государственной обороны и оставался на этом посту до 1908 года. Затем стал командующим Петербургским военным округом и начальником войск гвардии. Неудачи в кампании 1915 года усилили интриги двора против Николая Николаевича. Пошли разговоры о том, что в обществе его воспринимают как второго императора, величая Николаем III. Дело дошло до обвинений в государственной измене. Тогда император Николай II принимает решение лично возглавить войска, а великий князь назначается командующим Кавказского фронта, где велась напряженная вооруженная борьба между Россией и Турцией.

глазами указывая на великого князя. — Перед строем кроет площадной бранью даже офицеров.

— Как же это терпят?

— А вы знаете правило: на проституток да на великих князей не обижаются. Ха-ха-ха! — довольный своей остротой, Тихменёв тихо засмеялся. — Но вместе с тем должен вам заметить, что это, пожалуй, единственный человек, кто по-серьёзному думает о нашей гвардии. По его настоянию командирами гвардейских дивизий и полков назначались армейские офицеры и генералы, отличившиеся в Маньчжурии. Он перевёл из армии много армейских офицеров, георгиевских кавалеров. Князь не смотрел на то, были они знатны или бедны. Армейские офицеры получали специальные добавки к жалованию «на представительство», что давало им возможность служить в дорогих по своему образу жизни гвардейских полках. Это вызвало неудовольствие некоторых знатных и титулованных гвардейцев. Ну что ж, им же хуже. Князь перевёл их в захудалые полки. Служите, мол, во славу царя и отечества...

Князь, стремившийся «обрусить» высший командный состав армии, пользовался расположением большинства офицеров, как ярый противник немцев. При дворе он считался главою русской партии. Его жена, черногорская принцесса, открыто выражала свою ненависть к «немке», как при дворе называли Александру Фёдоровну, так и не научившуюся понимать русскую речь и тем более говорить по-русски.

Итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте были весьма значительными. В ходе трёх последовательных операций 3-я турецкая армия была разгромлена. Русские войска сумели продвинуться на территорию Турции более чем на 250 км. Но в дальнейшем из-за холодной зимы, затруднившей полставки провианта и фуража, фронт потерял огромное количество личного состава из-за голода, болезней и обморожения. События февраля 1917 года и отречение Николая II потребовали срочного возвращения Николая Николаевича в Ставку. Император пожелал перед отречением вернуть его на пост верховного главнокомандующего. Однако Временное правительство не устраивало пребывание представителя рода Романовых на этом посту. Сдав командование генералу Алексею, Николай Николаевич покинул Могилёв и перебрался в Крым. В марте 1919 года эмигрировал в Италию. Потом переехал во Францию, в которой и оставался до конца жизни. Находясь в эмиграции, не принимал участия в активной политической деятельности, хотя среди белоэмигрантов считался претендентом на российский престол. Был похоронен в Каннах.

Зато к французам великий князь явно благоволил и даже раболепствовал перед ними, будучи одним из акционеров крупнейшего военного концерна Франции – компании Шнейдера-Крезе. Акции приносили ему хорошие доходы. Французы прекрасно это знали и не стеснялись диктовать

нужные им распоряжения, касающиеся русской армии.

Обо всём этом вспомнил Звонарёв, наблюдая, как почти-тельно склонился перед царём и Пуанкаре великий князь в ожидании их распоряжений.

До слуха Звонарёва то и дело долетали пересуды публики по поводу приезда Пуанкаре и событий последних дней. Рассказывали, что Пуанкаре привёз в подарок Александре Фёдоровне гобелен с портретом Марии-Антуанетты, казнённой во времена французской революции 1793 года¹⁶. Этот подарок произвёл на суеверную Александру Фёдоровну тяжёлое впечатление. Она увидела в этом знамение – уготованную ей свыше участь французской королевы.

– Пуанкаре допустил бестактность. У нас только и говорят о покушении на царствующую фамилию. Революция является пугалом для двора, и вдруг такое напоминание о французской революции и казни королевы! В доме повешенного не принято говорить о верёвке, – рассказывал шёпотом Тихменёв Звонарёву.

Кто-то заговорил о возможности внезапного начала войны между Россией и Германией.

– Чепуха! – раздалось протестующе. – Россия и Германия связаны более чем вековой дружбой. Со времён Наполеона

¹⁶ Мария-Антуанетта (1755–1793) – королева Франции и Наварры (с 10 мая 1774 года), младшая дочь императора Франца I и Марии-Терезии. Супруга короля Франции Людовика XVI с 1770 года. После начала Французской революции была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интвенции. Осуждена Конвентом и казнена на гильотине.

мы всегда были рядом. Личный представитель кайзера при Николае граф Шлобитен утверждает, что о войне не может быть и речи.

Шлобитен стоял в свите царя и, как обычно, был весел и остроумен. Он высокомерно и насмешливо поглядывал на французских офицеров, группировавшихся вокруг французского посла Палеолога и военного атташе маркиза де Ла Гиш. Французы были сдержаны, немногословны, что истолковывалось любопытными наблюдателями как плохой признак.

Около юных царевен грудились молодые князья и свитские офицеры. Они о чём-то оживлённо разговаривали. Царевны прыскали от смеха и зажимали рты кружевными платочками. Рядом с сёстрами на стульчике сидел бледный и худой наследник. За его спиной стоял широкоплечий казак Дервянко, исполнявший обязанности няньки. Он строго следил, чтобы царевич не вставал со стула. Невдалеке от наследника в кругу генералов оживлённо жестикулировал великий князь Сергей Михайлович¹⁷ – августейший генерал-инспектор артиллерии.

– Главнейший и, к несчастью, несокрушимый враг русской артиллерии, отрекомендовал его Тихменёв Звонарё-

¹⁷ Романов Сергей Михайлович (7 октября 1869 – 18 июля 1918) – пятый из шести сыновей великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I; член Совета государственной обороны (1905–1908), генерал-адъютант (1908), генерал от артиллерии (1914), полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем (1916–1917).

ву. – В артиллерии он ничего не смыслит, и почти все его распоряжения – прямое свидетельство скудоумия и самодурства. Диву даёшься, как наш Кузьмин-Караваев уживается с ним и умеет обезвредить глупые, а то и просто вредные приказы. Беда ещё и в том, что «августейший инспектор» идёт на поводу у французской фирмы Шнейдера-Крезю. Французы хотели навязать нам перевооружение всей лёгкой артиллерии своими пушками, которые куда хуже наших. Хорошо, министр финансов запротестовал: нет денег, и всё! Только благодаря этому перевооружение не состоялось. И всё же эти бестии французы не разрешили нам закупить пушки у Круппа, который предлагал нам тысячу отличнейших гаубиц и тяжёлых орудий с полным боевым комплектом.

– В данном случае можно было бы и не согласиться с французами, – заметил Звонарёв.

Тихменёв усмехнулся:

– Попробуйте не согласиться, если они дали взятку августейшему идиоту Сергею Михайловичу и он забраковал крупповские пушки после испытаний.

В ожидании, пока объединённый оркестр всех гвардейских полков перестроится, царь и Пуанкаре тихо беседовали. Невысокого роста, невзрачного вида, царь, в лихо сбитой набекрень фуражке, слушал президента, чуть наклонив голову в его сторону. Кряжистый, начинающий полнеть Пуанкаре, с грубоватым, загоревшим крестьянским лицом и вздыбившейся бородкой, держался с почтительностью гостя, ко-

торый задался целью во что бы то ни стало расположить к себе сердце гостеприимного хозяина. Оба улыбались, поддакивая друг другу, и, видимо, были довольны беседой.

Наконец оркестр перестроился. На дирижерский пульт поднялся седовласый невысокого роста мужчина — главный дирижёр императорского Мариинского оперного театра. Окинув взглядом своё музыкальное воинство, он церемонно поклонился монарху.

Началась вечерняя перекличка в полках. По иерархической лестнице рапорты поднимались всё выше и выше. Командиры полков рапортовали командиру гвардейского корпуса, тот, в свою очередь, отдал рапорт великому князю, а князь на безукоризненном французском языке доложил о результатах переклички Пуанкаре.

Долгая, довольно скучная процедура. Когда она, в конце концов, завершилась, раздалась долгожданная команда:

— На молитву, шапки долой!

Солдаты, офицеры и публика обнажили головы. Обычно после этого солдаты пели хором молитвы «Отче наш» и «Спаси, господи, люди твоя», но сегодня, вопреки установленному ритуалу, сводный оркестр заиграл тягучий и нудный хорал «Коль славен господь во Сионе». Все стояли навытяжку, молчаливые, с постными лицами, изредка крестясь. Прошло добрых десять минут, прежде чем оркестр кончил хорал, и все вздохнули свободнее, зашевелились. Затем артист Александринского императорского театра, оде-

тый в солдатскую форму Преображенского полка, по-актёрски выразительно и набожно прочитал молитвы «Отче наш» и «Спаси, господи, люди твоя».

И вот, наконец, великий князь скомандовал:

– Накройсь! Слушай на караул!

Сводный оркестр заиграл «Марсельезу»¹⁸. Огненная мелодия французского гимна будто встряхнула всех. В ней было что-то от свежего порывистого ветра, грозное, могучее, зовущее. Звонарёву невольно вспомнилось, как несколько дней назад большая толпа бастующих рабочих дружно и воодушевленно пела «Рабочую марсельезу», а полиция и казаки безуспешно пытались прекратить это поднимающее на борьбу пение. Смолкая в одном месте, песня вдруг, как пламя пожара, подхваченное вихрем, снова взвивалась над толпой в другом, ещё настойчивее и упорнее.

Сейчас, вслушиваясь в звуки чудесного гимна, Сергей Владимирович начал тихонько подпевать оркестру. Тихмёнв предостерегающе толкнул его под локоть:

– Не забывайтесь!

Звонарёв умолк.

¹⁸ Марсельеза – Джованни Баттиста Виотти, пьемонтский композитор и знаменитый скрипач при дворе Марии-Антуанетты, сочинил «Тему с вариациями» для скрипки с оркестром в 1780 году. Позже, в 1792 году, эта тема была использована военным инженером Руже де Лилем как «Марш войны». Изначально называлась «Военный марш Рейнской армии». После событий 1848 года, когда революционная волна прокатилась по всей Европе, «Марсельеза», олицетворяя борьбу с тиранией и стремление к свободе, становится песней революционеров всего мира.

Она звучит на полях сражений и во время Парижской коммуны в 1871 году. 17 июля 1941 года была запрещена немецкой оккупационной администрацией Северной Франции, однако продолжала оставаться гимном правительства Виши. Русский текст на эту музыку под названием «Рабочая Марсельеза», не являющийся переводом с французского, написан П. Л. Лавровым в 1875 году. «Рабочая Марсельеза» в течение некоторого времени после Февральской революции 1917 года использовалась в качестве гимна России наряду с «Интернационалом».

Когда замерли последние звуки «Марсельезы», зазвучал царский гимн «Боже, царя храни». Это был разительный контраст мелодий. Казалось, после освежающего ветра революционного гимна весь лагерь наполнился затхлым и душным воздухом.

«Заря с церемонией» закончилась криками «ура». Утомленные затянувшимся церемониалом солдаты кричали без всякого воодушевления. В их «ура» не чувствовалось ни душевного подъёма, ни патриотического восторга. Кричали потому, что было приказано кричать.

Царь распорядился отпустить полки, а сам с Пуанкаре и царицей на одном из придворных автомобилей отбыл в Красносельский дворец. Следом двинулись автомобили со свитой. Громоздкие и неуклюжие машины, изготовленные на русско-балтийском заводе, нещадно дымили и рядом с

элегантными заграничными выглядели топорными и безобразными.

Начался общий разъезд. Публика хлынула к железнодорожной станции, куда уже было подано несколько пассажирских составов.

На вокзале к Тихменёву и Звонарёву подошёл адвокат Кузьмин-Караваев, брат начальника артиллерийского управления.

– Рад вас видеть здесь, Сергей Владимирович, – сказал он после того, как Тихменёв представил ему Звонарёва. – Мне брат говорил о вашем несчастье. Ваше присутствие на церемонии не ускользнуло от внимания некоторых влиятельных лиц. Завтра я расскажу фон Вальо, что встретился здесь с вами. Он лопнет от зависти. Ему-то сюда никогда не попасть. Видели вас и охранники из министерства внутренних дел, и кое-кто ещё. Я не преминул представить им вас заочно, так сказать, на расстоянии. Поверьте мне, всё это окажет существенное влияние на дальнейший ход дела вашей супруги.

Прощаясь со Звонарёвым, Кузьмин-Караваев выразил надежду увидеть его на следующий день на царском смотре Красносельского лагерного сбора.

Глава 6

Утро выдалось солнечное, тёплое.

Ещё задолго до начала торжественного смотра лагерного сбора в Красное Село наехало множество знати. Казалось, всё великосветское общество столицы провело прошедшую ночь без сна, с тем, чтобы пораньше выбраться из города и разместиться поближе к царскому валику, на котором возвышался шатёр царского семейства с полоскавшимся на ветру оранжевым штандартом с чёрным двуглавым орлом.

Тихменёв и Звонарёв устроились на склоне высокого холма, откуда хорошо были видны всё огромное поле и царский валик – насыпь высотой до четырёх метров и длиной около сорока метров, поросшая густой травой. Против шатра, на краю вала, придворные лакеи заканчивали натягивать широкий тент, в тени которого расставлялись кресла и стулья. Солнце, улыбки, весёлый гомон толпы создавали ту праздничную атмосферу, когда совсем не ощущается томительность ожидания и медленный бег времени.

Под звуки духовых оркестров со стороны главного лагеря к месту парада двинулись войска. Первым шёл Преображенский полк, чётким, сомкнутым строем, чуть колыхаясь штыками в такт бодрого, звонкого полкового марша. Вслушиваясь в эту музыку, Звонарёв мысленно повторял слова, запомнившиеся со школьной скамьи:

Многие лета, многие лета,
Православный русский царь!..

Полки приближались. Гром оркестра нарастал, и теперь Звонарёву уже слышались иные слова, те, которые на мотив марша распевали в Питере:

Знают чукчи, самоеды,
Знает нильский крокодил:
На попойки, на обеды
К нам всегда сам царь ходил.
И дарован нам мильон,
Чтоб забыли про особый батальон.

– Павел Петрович, вам неизвестна судьба особого батальона Преображенского полка? – спросил Звонарёв у Тихменёва.

– Что это вам вспомнились бунтовщики? – удивился тот.

– Просто интересно, где он сейчас?

– Там же, куда его отправили в девятьсот шестом году, – ответил Тихменёв. – Вздумалось солдатам, чтобы их лучше кормили, вежливо с ними обращались. Отказались приветствовать офицеров и выходить на перекличку. Вот и допрыгались. Прямо с учения царь походным порядком отправил их в село Медведь Новгородской губернии. Офицеры служат там без выслуги лет и не производятся в следующие

чины, а солдаты не увольняются в запас. Вот уже восемь лет нет никаких изменений в судьбе этого батальона.

– Неужели царь не смилостивился?

Тихменёв оглянулся по сторонам, боясь, как бы их разговор не стал достоянием чужих ушей. Но никто не обращал на них никакого внимания. Слева щеголеватый полковник рассказывал дамам какой-то салонный анекдот, и они, жеманясь, смеялись. Справа группа думских депутатов спорила о каких-то ограничениях на ввоз американских товаров. Бесконечная болтовня, шумные приветствия и ко всему – звуки марша. И всё же Тихменёв не отважился говорить в полный голос.

– Видимо, наш монарх придерживается того правила, что лучше перегнуть, чем недогнуть, – сказал он приглушённо. – В прошлом году во время празднования трёхсотлетия дома Романовых, царь был в гостях у преображенцев. Там находились и офицеры особого батальона. Их пригласили в надежде, что царь по случаю праздника простит, наконец, штрафной батальон. Ничего подобного. Увидев опальных офицеров, Николай страшно обозлился и уехал из полка, ни с кем не простившись. Говорят, что затем он перетрусил не на шутку: ведь казармы преображенцев расположены рядом с Зимним дворцом, ну и, кроме того, преображенцы несут внутренние караулы в самом дворце. Вдруг возьмут да и придушат, как Павла Первого. Чтобы несколько ублажить полк, царь подарил ему миллион рублей золотом – «на улучшение

быта господ офицеров». Вот так.

Звонарёв впервые слышал эту историю и выразил удивление, что о ней ни словом не обмолвилась ни одна газета, даже «Русский инвалид»¹⁹.

– Чего захотели! – насмешливо воскликнул Тихменёв. – О таких вещах не пишут. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. – Он вздохнул. – Да только ли это! А водосвятие помните?

Ещё в японском плену Звонарёв слышал об эпизоде, о котором упомянул разоткровенничавшийся Тихменёв. Но то были слухи, теперь же представилась возможность узнать подлинное событие.

– Сделайте одолжение, Павел Петрович, расскажите! – попросил Звонарёв. – Это, должно быть, тоже нечто очень любопытное.

Основана Павлом Павловичем Пезаровиусом в патриотически-благотворительных целях: доход предназначался в пользу инвалидов Отечественной войны, солдатских вдов и сирот. Благодаря помещению политических известий с театра войны ранее, чем в других газетах, «Русский Инвалид» имел огромный успех. С июля по 27 октября 1917 года издавалась под названием «Армия и флот свободной России».

– Извольте, – охотно согласился Тихменёв. – Это произо-

¹⁹ «Русский инвалид» – военная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге, официальная газета Военного министерства в 1862–1917 годов.

шло шестого января пятого года. Как вам известно, эта церемония сопровождается орудийным салютом с валов Петропавловской крепости. В тот год салютовать должна была одна из батарей гвардейской конной артиллерии, – Тихменёв снова покосился на ближайших соседей. – Когда митрополит погружал крест в воду, то есть в самый торжественный момент крещенской службы, батарея пальнула картечью прямо в сторону места водосвятия. Произошло это из-за чьей-то халатности. Накануне шло учение при орудиях, и в стволе одной из пушек осталась картечь. Перед салютом никто не удосужился осмотреть пушки. Получился не салют, а обстрел. Хорошо хоть, расстояние выручило: от крепости до места водосвятия больше версты, так что картечь туда попала уже на излёте. И всё же одного в толпе убило, двоих ранило. Несколько картечин упало рядом с царской семьёй. Представляете, какой поднялся переполох! Царь, не медля, умчался в Зимний. Он усмотрел в злосчастном выстреле преднамеренное покушение на своё семейство. Вот почему расстрел на Дворцовой площади девятого января, спустя всего три дня, был особенно жестоким.

– Народ не забудет никогда этого расстрела, – мрачно вставил Звонарёв.

– Забудет, как многое забыл! – скептически заметил Тихменёв. – Толпа, народ – это стадо с короткой памятью. Время идёт, а под нашим зодиаком всё остаётся неизменным. И так будет вечно... Всех офицеров конной батареи перевели

теми же чинами в различные захоластные батареи армии, и служить им больше в гвардии не разрешили. А ведь гвардия – это цвет нашей армии. Вы только взгляните, как шагают эти молодцы! – восторженно воскликнул генерал.

Да, маршем гвардейских полков нельзя было не восхищаться. Один за другим выходили на поле различные полки и занимали на нём строго определённые места, отмеченные солдатами-линейными. Пехота подходила с громкими, с удалым подсвистом песнями. За пехотой приблизился под звуки своего марша гвардейский саперный батальон, затем, громящая щитами орудий, появилась артиллерия, и, наконец, на поле показались многочисленные конные полки. Поле заполнилось тысячами людей в защитных брюках и рубахах, на груди у офицеров красовались ордена и медали. Генералы были при орденских лентах через плечо.

Вскоре к валику подъехали открытые машины с царской семьёй и высоким гостем. Царю подвели белого аргамака, и он в сопровождении великого князя начал объезд построенных для парада полков. Царь торопился, стараясь не утомлять Пуанкаре, который вместе с царицей ехал в ландо вдоль выстроившихся полков.

Подъехав к царскому валику и не слезая с коня, царь остался у подножия валика, рядом с ним стал великий князь, главнокомандующий. Ландо с царицей и Пуанкаре отъехало немного в сторону и остановилось на небольшом пригорке.

Старая императрица с наследником и великими княжна-

ми разместились под тентом на валике, окружённая толпой придворных дам и великих князей. Тут же находился совсем уж престарелый деятель времён Александра II, ныне министр двора его величества, пышноусый, высокий, краснолицый, но всё ещё по-гвардейски статный граф Фредерикс²⁰. Он сел позади кресла вдовствующей императрицы и о чём-то тихонько вполголоса беседовал с ней, временами сердито оборачиваясь на чересчур смешливых придворных дам и кавалеров. Он в такие моменты был похож на старую, но уже не страшную классную даму, следящую за порядком на балу в своём институте.

День выдался безоблачный и тихий. Солнце с каждой минутой припекало всё сильнее. Публика на валике, усиленно обмахиваясь белыми веерами, походила на стаю заморских белоснежных птиц, непрерывно трепетавших крыльями. Она не спускала глаз с валика, наблюдая за тем, что там происходит. Политики пытались предугадать, какова будет

²⁰ Фредерикс (Фридрикс) Владимир Борисович (Адольф Андреас Волдемар), барон, с 21.02.1913 – граф, (28 ноября 1838 – 1 июля 1927) – российский государственный деятель, потомком шведского офицера, пленённого русскими войсками и осевшего в Архангельске. Один из предков министра – придворный банкир Екатерины II, произведенный в бароны. С марта 1871 года – флигель-адъютант при императоре Александре II. С 6 мая 1897 года вплоть до падения монархии – министр императорского двора (министерство управляло дворцами и земельными владениями императорской семьи). Одновременно состоял канцлером российских императорских и царских орденов. Присутствовал в Государственном совете с 6 мая 1897 года, но в работе совета участия не принимал. С началом Первой мировой войны находился с Николаем II в Могилёве, сопровождал его во всех поездках. К моменту Февральской революции 79-летний

международная атмосфера после этой встречи Пуанкаре и царя, дельцы прикидывали в уме, какие прибыли им сулит военный союз Франции и России и как сохранить экономические связи с Германией. Сплетники и сплетницы судачили по поводу нарядов царицы, княжон и придворных дам.

Как и накануне, немцы стояли несколько обособленной группой около германского посла графа Пурталеса, выправка и надменный взгляд которого выдавали в нём, несмотря на дипломатическую форму, прусского юнкера. Даже болтливый Шлобитен сегодня предпочитал молчать.

Зато французы, окружившие французского посла Палеолога, были оживлены не в пример вчерашнему дню. Все следили за мановением царской руки. Николай сделал знак рукой, и фанфаристы дружно заиграли сигнал к походу. Выстроившийся против царского валика больной старик страдал потерей памяти. Влияния на императора не имел, но пользовался его полным доверием. В государственные дела не вмешивался. 5 марта по требованию Временного правительства удалён из местопребывания императора, а 9 марта 1917 года арестован в Гомеле железнодорожными рабочими. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. 11 марта по рекомендации врачей-психиатров перевезён в Евангелическую больницу. Вскоре был освобожден, жил в Петрограде. В 1924 году обратился к советскому правительству с просьбой о выезде за границу. Поселился в городе Кауниайнен, близ Хельсинки, где и скончался на 89 году жизни.

оркестр грянул было традиционный марш «Под двуглавым орлом», но тут же смолк и в следующее мгновение заиграл какой-то бодрый, весёлый, но совершенно незнакомый марш.

Услышав его, французы сразу подбодрились, а затем разразились аплодисментами. Звонарёв и Тихменёв не поняли, в чём дело и чему радуются французы.

– Так это же Лотарингский марш! – пояснили им. – Марш отторгнутой от Франции провинции. Он запрещён в Германии, но Пуанкаре родом из Лотарингии, вот в его честь и играют этот марш.

Действительно, едва услышав звуки марша, Пуанкаре встал в ландо и, обернувшись к царю, картинно раскланялся, а затем приложился к руке Александры Фёдоровны. Французы на валике продолжали неистово аплодировать, к ним присоединилась почти вся публика, за исключением, конечно, немцев. Эти овации принимали характер открытого вызова в их адрес. Марш надо было прекратить, но царь не сделал ни малейшего намёка, и Лотарингский марш гремел над всем полем, по которому полк за полком проходила царская гвардия. Это был уже вызов, брошенный немцам. Стало ясно: Россия и Франция договорились о совместной войне против Германии и о возвращении Лотарингии Франции.

Так это и понял граф Пурталес.

Не дожидаясь конца парада, он в сопровождении своей свиты покинул валик.

Между тем полки продолжали своё движение. Соблюдая безукоризненное равнение, солдаты проходили мимо царя и Пуанкаре. Когда солдаты равнялись с царём, великий князь и командир гвардейского корпуса генерал Безобразов поднимали вверх руку, затянутую в белую перчатку, и солдаты истошными голосами кричали «ура». Пройдя метров двести за валик, полки перестраивались в походные колонны и с песнями отправлялись в лагерь.

Хотя поле и было хорошо полито, солнце быстро высушило землю. Поднялась пыль. Ветер будто нарочно гнал её прямо на валик.

Заканчивала марш пехота. Готовилась артиллерия.

В это время Тихменёв с кем-то раскланялся. Звонарёв увидел сенатора Кони и начальника Главного артиллерийского управления, которые прошли невдалеке. Сергей Владимирович козырнул им, они ответили ему благосклонными кивками.

В конном строю, на рысях, мимо валика уже двигалась артиллерия. Вороные, рыжие, гнедые лошади побатарейно тянули громыхавшие щитами пушки. В каждой батарее есть своя масть коней – сильных, широкогрудых, начищенных до блеска. Пыль густела. Всё происходило будто в серовато-буrom тумане. За артиллерией живым потоком потянулась конница. Первыми шли рысью кавалергарды на серых в яблоках лошадях, с обнажёнными палашами в руках. Впереди полка, лихо салютуя шашкой царю и Пуанкаре, проскакал коман-

дир генерал Скоропадский²¹.

Встречать кавалергардов вышла старая императрица. Став на краю валика, Мария Фёдоровна приветственно махала рукой конникам.

Тридцать три года тому назад она впервые появилась верхом на лошади перед строем этого полка в кавалергардской форме, и Александр III объявил тогда, что его жена, императрица Мария, назначается шефом полка. С той поры Мария Фёдоровна неизменно бывала на всех полковых праздниках и лично поздравляла солдат и офицеров. Сейчас она смотрела сквозь слёзы на «свой» полк и взволнованно приветствовала его. Кавалергарды отвечали ей громким «ура».

Как только полк прошёл, Мария Фёдоровна устало склонила голову и снова ушла под тент к своему креслу.

Вот к валику приблизился лейб-гвардии Уланский полк, и

²¹ Скоропадский Павел Петрович (15 мая 1873 – 26 апреля 1945) – генерал-лейтенант русской императорской армии, после революции 1917 года – украинский военный и политический деятель; гетман всея Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 года. По окончании русско-японской войны, которую окончил адъютантом к Главнокомандующему сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии, за год трижды был переведён на должности с повышением, став командиром лейб-эскадрона Кавалергардского полка. Через год произведён в полковники, командовал драгунским, затем Конным полком, в 1912 году произведён в генерал-майоры с утверждением в должности и с зачислением в Свиту. Во время Первой мировой войны командовал полками, затем дивизиями. После неудачи Июньского наступления 1917 года Временное правительство приняло решение о создании национальных, прежде всего, украинских, воинских формирований. Корпус Скоропадского был избран в качестве первого, который должен был подвергнуться украинизации.

уже царица Александра Фёдоровна порывисто, величественно вскинув голову, поднялась в ландо и энергично замахала белым кружевным платочком. Она настолько увлеклась этим занятием, что загородила собой гостя – Пуанкаре. Получилось, что она одна принимала парад. Солдаты, держа равнение на царский шатёр, пялили глаза на раскрасневшуюся царицу, дружно тянули «ура», а царица одаривала их покровительственными улыбками.

Улан сменил лейб-гвардии Атаманский полк. Огромный казак поднял на руки больного цесаревича и вынес его вперёд, на край валика. Наследник замахал рукой своему подшефному полку, казаки дружно отвечали на его приветствия.

Зной усиливался, пыль плотным серым облаком затягивала поле. Было трудно дышать. Бесконечный марш войск, грохот оркестра и тысячеголосые крики солдат уже изрядно утомили разомлевшую от жары публику. Пуанкаре то и дело смахивал платком пот с лица, а царь уныло улыбался и устало поглядывал по сторонам.

Когда, замыкая парадное шествие, продефилировал наконец гвардейский жандармский эскадрон, все облегчённо вздохнули. Царское семейство не успело ещё разместиться в автомобилях, а публика уже потекла к вокзалу.

Поле опустело. Издалека доносились солдатские песни. Звонарёв задумчиво смотрел на медленно оседавшую пыль.

– Я вижу, Сергей Владимирович, на вас нашло минорное

настроение, заметил с улыбкой Тихменёв. – Поторопитесь, иначе не попадём в вагоны.

– Да, пожалуй, – рассеянно отозвался Звонарёв и, окинув поле прощальным взглядом, вздохнул: – Как всё же нынче душно и пыльно, просто нечем дышать.

Тихменёв искоса, с хитринкой взглянул на него:

– Как прикажете вас понимать – в прямом или переносном смысле?

– В прямом, конечно, – так же с улыбкой ответил Звонарёв. – Хотя «Заря с церемонией» и сегодняшний парад – это тоже пыль, которую пускает наш самодержец в глаза не только французам, но и нам. Так сказать, демонстрация военной мощи, парад, оркестры, блеск... А в Питере чёрт знает что творится. Забастовки, баррикады...

– И охранка, – не без ехидства заметил Тихменёв.

Глава 7

Варя ощутила на себе омерзительное дыхание уголовно-го мира с первых же минут пребывания в тюрьме. Проститутки, воровки, бандитки. Падшие существа, сохранившие человеческий облик, с чёрствыми, закаменелыми душами полуживотных. Насмешливо, полупрезрительно они поглядывали на чистенькую, хорошо одетую «барыньку», которая вдруг угодила к ним в камеру, чем-то похожую на матросский кубрик пиратской каравеллы. Двухэтажные нары, зловоние, дух давно не мытых, грязных тел, махорки, сивухи.

Поняв, куда она попала, Варя тут же заявила решительный протест надзирателю с требованием перевести её в другую камеру, но тюремщик под одобрительное улюлюканье обитательниц камеры заявил издевательски:

– Ишь чего захотела, принцесса! Может, тебе ещё прислугу приставить и пуховики расстелить? Хорошо будет и здесь. Тут такие мамзели, что враз тебя в божеский вид приведут.

Варя долго стояла у двери, не решаясь подойти к нарам. Кто-то хихикнул:

– Подумаешь, святую из себя корчит.

Сверху, с нар, донеслось:

– Эта, видать, не нашего пошибу... Барская.

И снова смешок:

– Укокошила какого-нибудь пьяненького офицера и обчи-

стила.

Варя молчала. К ней подошла полная арестантка, растрёпанная, с обрюзгшим лицом и слезящимися от трахомы глазами.

– Вот что я скажу тебе, красавица, – проговорила она гундосо, обдав лицо Вари тошнотворным запахом гнилого рта. – Скидывай-ка свою кохту и юбку. Пондравились они мне. Взамен получишь мои. – Она трянула подолом лоснившегося от жира и грязи чёрного рваного платья. – И давай пошевеливайся. А ежели не скинешь, прирежу. Я такая! Кого хошь тут спроси.

Мясистая грубая рука с длинными почерневшими ногтями потянулась к Варе.

– Прочь! – Варя отшвырнула руку. – Не притрагивайтесь ко мне!

С нар сползали нечёсанные испытые фурии. Они медленно приближались к Варе, окружая её полуколыцом, зло посмеиваясь, с холодными жёсткими глазами.

– И чего ты, Тузиха, церемонишься? – прохрипела долговзая седая женщина, почёсывая грудь. – Дай ей по рылу, чтоб не брыкалась.

Тузиха двинулась на Варю.

– Ну, будешь скидывать по-хорошему?

– Не буду! – твёрдо ответила Варя.

– Бей её! – выкрикнул кто-то.

– Бей! – взвилось визгливо.

Тузиха взмахнула огромным кулачищем. Варя отпрянула к двери, и в тот же момент Тузиха пошатнулась, плюхнулась задом на пол. Молодая сильная женщина так неожиданно дернула её за волосы, что она не устояла на ногах и упала.

– Ах ты, стерва! Супротив меня, значит?! – взревела Тузиха и, поднявшись, хотела было наброситься на непрошенную защитницу «новенькой».

Молодая женщина с силой оттолкнула её от себя.

– Не дюже расходишь. Не таких ведьм видела.

Только теперь Варя узнала в молодой арестантке Маню Завидову, ту самую, которую едва не убили ожесточившиеся бабы на Выборгской стороне.

Глянув презрительно на растерявшуюся Тузиху, Маня подошла к Звонарёвой.

– Здравствуйте, Варвара Васильевна, – промолвила она тихо. – Вот уж не думала, не гадала увидеть вас тут. – И улыбнулась горько: – Мне-то что! Я привычная... не впервой здесь. А вот Вы-то как попали сюда, в вертеп?

Варя уклонилась от прямого ответа:

– Пришли жандармы... забрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.